

Виллы, яхты, кольцо и любовь

Автор:

Мария Жукова-Гладкова

Виллы, яхты, кольцо и любовь

Мария Жукова-Гладкова

Следствие ведет журналистка #7

Неразлучная тройца – журналистка Юлия Смирнова, ее закадычная подруга Татьяна и телеоператор Павел – побывала не в одной переделке и раскрыла не одну кровавую тайну. Во Францию на Лазурный Берег они приехали отдохнуть, но и там не избежали криминальных приключений – очнулись после вечеринки в полнейшем беспмятстве в поместье графа де Ламот Валуа. Хозяин рассказал, что за забором имение погибшего русского олигарха, в котором по завещанию имеют право проживать все его бывшие жены и любовницы. Дамочки, позвав на помощь родню, прилагают массу усилий, чтобы избавиться от конкуренток, и регулярно подбрасывают графу трупы. Но как к нему попали вполне живые Юля, Таня и Павел?

Мария Жукова-Гладкова

Виллы, яхты, кольцо и любовь

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными, а сходство с реальными лицами и событиями случайным.

Глава 1

Я с трудом разлепила глаза. Страшно болела голова, безумно хотелось пить. Да что со мной такое? Ощущения как... С бодуна? Так я же никогда в жизни не напивалась до поросычьего визга. На работе вообще не пью. Мне хватает вечно пьяного оператора рядом. И я всегда за рулем. И можно считать, всегда на работе. Я постоянно ищу сюжеты для своих репортажей. Да и работа криминального репортера меня научила, что пить можно только с самыми близкими друзьями, которым веришь, как себе. Если такие друзья у тебя, конечно, есть. Мне в этом плане в жизни повезло. Но даже с ними я ни разу в жизни не напивалась до потери сознания.

Так... Значит, я точно помню, что была на работе. Уже хорошо. И помню, кем и где работаю. Я – Юлия Смирнова, веду «Криминальную хронику» на одном из питерских частных телеканалов и также пописываю статейки (естественно, на те же темы) в еженедельник «Невские новости». Работа опасная, как показало мое бурное прошлое. И это – еще один повод, чтобы не употреблять алкоголь.

Но здесь-то я как оказалась?! Меня опять украли?! Кто на этот раз?

Значит, мне очередной раз прыснули какой-то гадостью в физиономию.

Но хоть не связана, ни к чему не пристегнута и одна, что, наверное, самое лучшее. Хотя как посмотреть...

А вообще-то надо выяснить, где я.

Я лежала на животе, абсолютно голая, на большом махровом полотенце с изображением крупных цветов. Еще одно, точно такое же, валялось рядом на полу. Наверное, я его сбросила во сне. По-моему, цветы больше всего напоминали подсолнухи, хотя я не стала бы клясться на Уголовном кодексе, что это они и есть. Может, это настурции? Надо бы посоветоваться у «Садоводов и огородников» из нашего холдинга. У нас ведь и такое издание есть, и, кажется, не одно. Хотя какое мне дело до цветов на полотенце?!

Полотенце покрывало белый пластиковый пляжный лежак, стоявший в помещении площадью метров пятнадцать. Под потолком по всем стенам шла такая оконная лента. А дверь? Дверь тоже есть и даже приоткрыта! Меня не заперли!

За окнами был белый день. Или утро. Я взглянула на часы, которые оказались моей единственной «одеждой». Половина девятого. Вечера?!

У нас в Питере сейчас белые ночи, то есть светло должно быть и в половине девятого утра, и в половине девятого вечера, а я сама в половине девятого проснуться не могу, только с будильником, потому что ложусь обычно в два-три, а то и в четыре часа утра. А если мне еще и чем-то в физиономию прыснули... Значит, проспала до вечера.

Я села на лежаке и обвела взглядом помещение. Его можно было бы назвать «лодочным домиком», такие при спасательных станциях бывают, только он оказался гораздо менее захламлен, чем те, которые мне доводилось видеть в прошлом. Однако тут нашлась и пара лодок, и множество весел, и спасательный круг, и еще какой-то морской инвентарь. В углу стояла вешалка с купальниками и плавками. Все было очень аккуратно развешано. По крайней мере, купальник надеть смогу. И в полотенце закутаюсь, на котором проснулась. Отлично! Я улыбнулась и тут же скривилась от головной боли.

Затем мой взгляд упал на большой комод, который можно было бы увидеть в антикварном магазине. Наверху лежало мое «платье для коктейля». Я его сразу же узнала и вспомнила, сколько отдала за него в новом бутике на Владимирском. Не обращая внимания на головную боль, я ринулась к платью. Цело ли? Не испоганено ли? В голове словно молотком били, но целость платья была важнее.

По пути я натолкнулась на собственные босоножки. Слава тебе господи! Босиком не придется идти, правда, каблуки я терпеть не могу, но лучше на них, чем без ничего. Под платьем увидела трусики и лифчик, узнала свои собственные. Кто же меня раздевал-то?! Если бы я раздевалась сама, то, думаю, кинула бы вещи на соседний лежак, а не так далеко от места дислокации своего любимого тела.

Все было целым и невредимым. Чулки... Были ли на мне чулки? Стоит жара, я была в босоножках, но что за мероприятие?! Куда меня вчера носило?! Почему я ничего не помню?!

То есть я помню, кто я, чем занимаюсь, свое детство, своих родителей, друзей, свою квартиру, но не помню вчерашний вечер. И вчерашний день. И...

Так, что я помню последнее? Мы с оператором Пашкой снимали ДТП с участием мэра одного из небольших городков средней полосы России. Мэр был пьян в хлам, в ДТП участвовало четыре машины, никто не погиб, но материальный ущерб был нанесен приличный... К тому же выяснилось, что гостящим в нашем городе мэрам и губернаторам (любого Крыжополя) выделяется транспорт за государственные деньги, то есть наши. С какой стати чиновники из других городов ездят за наш счет, тем более если приехали с женами и детьми, так сказать, на отдых? У нас что, больше некуда деньги девать? Мало этого, краснорожий мэр еще и машину, ему выделенную, разбил, и трое граждан пострадали. Кто будет оплачивать ущерб?

Я для начала попыталась задать этот вопрос пьяному чиновнику, но услышала в ответ лишь предложение уйти, сопровождаемое точным адресом, известным всем на территории стран СНГ. Однако, несмотря на состояние, чиновник смог вызвать помощника. Тот приехал абсолютно трезвый и допытывался у окружающих, что произошло.

– Я все возьму на себя, только объясните, что тут произошло! – несколько раз повторил парень.

Мы с Пашкой это засняли и дали в эфир. И мэра, лыка не вяжущего, и помощника, и то, как мэр мочился на угол одного дома в историческом центре нашего родного города. Может, у них в Крыжополе и принято мочиться где захочется, а у нас еще все-таки нет, в особенности на здания восемнадцатого века, признанные памятниками архитектуры. И невинному человеку незачем страдать, а пьяному чиновнику полезно понервничать. После эфира на наш телеканал позвонил кто-то из разгневанных питерских чиновников, а потом еще кто-то из помощников пьяного мэра, но наше руководство уже давно набралось опыта общения с подобными типами, за что я его уважаю. Мэра, конечно, отмажут. У нас ведь для чиновников свои законы, почему-то отличающиеся от законов для других людей. И будет он дальше бить чужие машины и орошать памятники архитектуры. Может, это новое ноу-хау, обеспечивающее их сохранность?

А что было потом? Я не помню, чтобы мы еще что-то снимали... И чем дело с мэром закончилось, тоже не помню. Хотя оно могло еще и не закончиться.

Перед тем как облачиться в платье для коктейля, я решила высунуть свой любопытный нос из лодочного домика на улицу и провести рекогносцировку.

Может, вспомню хоть что-нибудь?

Первым делом я увидела водную гладь бассейна. С трудом сдержала порыв мгновенно плюхнуться с головой, а как хотелось... Я заставила себя развернуться к вешалке с купальниками, там быстренько выбрала себе бикини по размеру (а имелись всякие), облачилась, сняла часы, покинула домик и поняла, что нахожусь в огромном парке с бассейном. Слева за деревьями возвышался старинный особняк. Перед бассейном стояли такие же лежаки, как тот, на котором я проснулась. Сам бассейн был красиво выложен плиткой таким образом, что и на дне, и по бортикам получались изображения дельфинов.

Но больше всего меня привлек питьевой фонтанчик слева от бассейна. Туда я ринулась первым делом, напилась и рухнула в воду. Прохладная! Еще не успела нагреться, хотя солнышко припекает! Значит, утро?

Длина бассейна составляла метров двадцать, ширина метров семь. Мне хватит. Не знаю, сколько я плавала. Я просто наслаждалась и чувствовала, как головная боль уходит... Как хорошо-то! Какое блаженство!

– Юлька, это ты? – прохрипел с бортика до боли знакомый голос моей соседки по лестничной площадке и лучшей подруги Татьяны.

Я чуть ко дну не пошла – от радости. Если здесь Татьяна, мы точно выберемся. Хотя, возможно, с этим делом и следует повременить.

Я быстренько подплыла к бортику, но Татьяна уже заметила фонтанчик и припала к нему, как недавно я сама. Я вылезла из бассейна, тоже приложилась к фонтанчику и почувствовала себя человеком.

– Мы где? – спросила подруга уже нормальным голосом.

Татьяна была в платье для коктейля, которое покупала вместе со мной (это я точно помнила), и в босоножках на босу ногу. Косметика размазалась, волосы растрепались. Себя я в зеркале не видела, но подозревала, что при пробуждении выглядела примерно так же. Теперь, по крайней мере, косметику я смыла, а волосы у меня чуть выше плеч, можно и пятерней расчесать, это не Татьянины косы... Но сейчас у Татьяны на голове были остатки сложной прически... Так где же мы все-таки были вчера?! Если Татьяна специально делала прическу? Кстати,

сумочка отсутствовала и у Татьяны, и у меня. Я могла быть без сумочки, но не могла быть без мобильного и диктофона. Без них я не хожу никуда! Как правило, они лежат в сумочке, но мне за годы журналистской работы приходилось пристраивать их и на тело. Или их у меня забрали? Я записала что-то не то? Вернее, то, что кому-то страшно не понравилось? Но у Татьяны-то почему нет сумочки?

- Ты тоже ничего не помнишь? - спросила я у соседки.

Она покачала головой и поинтересовалась, откуда у меня этот купальник. Татьяна точно помнила, что у меня другой, и знала, что я никогда бы не купила себе фиолетовый. Я предпочитаю желтый или белый, которые хорошо смотрятся на загорелой коже.

Я объяснила, где взять купальник, и предложила присоединиться ко мне в бассейне, куда снова отправилась. Татьяна согласилась, что нам лучше заняться обсуждением ситуации, сидя в воде.

Вскоре выяснилось, что Татьяна помнит то же самое, что и я - всю свою жизнь до вчерашнего вечера или вчерашнего дня. Или, может, последних нескольких дней? Мы с этим никак не могли определиться.

Мы пришли к выводу, что этот бассейн никогда в жизни не видели, как и домик с инвентарем. Фонтанчиков точно не было ни у кого из наших знакомых. И парк незнакомый. И особняк...

- Куда нас могли завезти? - спросила Татьяна, не ожидая ответа.

- И главное, зачем? - добавила я и подумала, не прихватил ли нас мэр в свой Крыжополь. Только при чем здесь Татьяна? Она-то ведь к моим журналистским расследованиям не имеет никакого отношения. То есть она, конечно, все про них знает, мне иногда помогает, но мэр про нее знать не мог, и она ему ничем не насолила.

- Если бы нас взяли в заложницы, то держали бы взаперти, так? - снова заговорила Татьяна. - Ты ведь у нас специалистка по этим делам. - Подруга улыбнулась.

– А если отсюда нет выхода? – Татьяна уже собиралась что-то сказать, но я ее остановила: – Территория может быть обнесена забором с колючей проволокой или по верху пущен электрический ток. И дом заперт. Давай-ка на разведку сходим. Доберемся хоть до какого-то края этой территории.

– Лучше вначале в дом, – заявила Татьяна. – Туалет найдем.

– Таня, ты...

– Нет, я не такая культурная, как ты только что подумала, – усмехнулась Татьяна. – Но ты же сама меня столько раз развлекала рассказами об унитазах, которые видела в квартирах и особняках убитых бизнесменов. И в гостях мы с тобой бывали у многих богатых людей, а потом долгие всего обсуждали именно эти части интерьера. Может, мы по унитазу что-нибудь вспомним? Или по статуям? Мало ли что в парке их нет. Может, все в доме?

Я задумалась. Не об унитазе или статуях, а о возможности встретить кого-то в доме. Может, нам пока лучше ни с кем не встречаться?

– Таня, ты где проснулась? – спросила я.

– В беседке, вон там, – показала подруга. – Ее не видно из-за кустов. Мне тоже кто-то подстелил полотенце. Смотреть там нечего, я уже все осмотрела, – добавила Татьяна, предупреждая мой вопрос. – И из вещей там лежала только одежда. Моя.

Я предложила все-таки для начала пройтись хотя бы в одну сторону до конца – до забора, конца парка или... я не знаю чего, и только потом отправляться в дом.

– Пошли, – пожала плечами Татьяна. – Ты криминальный репортер, не я.

Мы сняли мокрые купальники, разложили их на лежаке сушиться и облачились в свою одежду.

Дорожки оказались ровненькими, без ямок, холмиков, камушков. Трава вокруг была аккуратно подстрижена, как и кустарники. Парк выглядел очень ухоженным, здесь явно работает садовник, а то и целая бригада. Но была какая-

то странность...

– Слушай, я, конечно, не ботаник, но вроде все парки, в которых я была, выглядят как-то иначе, – неуверенно заговорила я. – Берез нет, кленов нет...

Татьяна замерла на месте и уставилась куда-то вправо. Я проследила за ее взглядом.

– Пальма! – произнесли мы хором и посмотрели друг на друга.

– Где мы, Юлька? – прошептала Татьяна. – Куда нас занесло? Под Питером точно не растут пальмы, даже у самых крутых. Уж точно не в открытом грунте! Юля, куда мы попали?!

Мы стали судорожно оглядываться и пришли к выводу: растительность точно не наша. Мы находимся в какой-то южной стране, в которую нас занесло неведомым образом.

– Пошли дальше и побыстрее, – решительно сказала я. – Нужно понять, где мы.

Вскоре мы оказались у забора высотой метров пять. По верху шла «кольцевая» колючка, также мы заметили провода. Значит, еще и ток пущен. Забор был сделан из какого-то пластика зеленого цвета. Мы такой материал никогда не видели. Рассмотреть что-либо за забором не представлялось возможным.

Правда, с левой стороны теперь доносился шум...

– По-моему, это прибой, – заявила Татьяна. – Он и раньше гудел, но глухо. Я еще думала, что это такое. А тут вдоль забора хорошо слышен.

Мы пошли на шум и в самом деле оказались у моря, озера или что там это было. Вдали проплывал кораблик, но нас с него, конечно, никто заметить не мог. Флаг на кораблике отсутствовал. Хотя я сомневаюсь, что мы узнали бы флаг какой-то экзотической страны. Если уж мы не на Родине...

Забор вдавался в море метров на пять, около него возвышались довольно внушительные валуны и тянулись в левую сторону до небольшого причала, у

которого не наблюдалось никаких судов. Дальше шел песчаный пляж, потом опять валуны, затем опять забор, выходящий в море. Что находится с другой стороны, мы также не смогли рассмотреть.

- Вплавь обогнем, - сказала Татьяна.

- А ты знаешь, что там, за забором? А под водой? За забором могут встретить автоматной очередью и только потом вопросы задавать, а под водой могут оказаться всякий гадости охранного предназначения. А если тут еще и пираньи водятся? Или их специально разводят для непрошенных гостей?

- В самом крайнем случае разведем костер на причале. То есть на берегу за ним. Может, кто-нибудь заметит, - сказала Татьяна.

- И что? - посмотрела я на нее. - Думаешь, кто-то сразу же подплывет нас спасти? Спасение утопающих - дело самих утопающих. Выбираться надо самим. Тем более я тут хвороста не вижу и даже засохших веток.

- Доски причала можно использовать.

- А инструмент? Думаешь, мы их голыми руками оторвем?

- А Иван Захарович нам не поможет? - спросила Татьяна. - Ведь сколько раз помогал...

Иван Захарович Сухоруков - человек серьезный и к нам с Татьяной испытывает очень сложные и противоречивые чувства. Он провел не одну пятилетку в строгой изоляции, а в перерывах успел приложить свои многочисленные таланты в различных сферах. И чем он только не занимался... Он обладает удивительным талантом делать деньги из воздуха и вообще из всего, на что упадет его глаз.

В последние годы он занимается только бизнесом и удовлетворяет свое тщеславие. Ему хочется оставить память о себе на века, как другие великие люди России (к которым он себя причисляет). Поэтому он придумывает всякие проекты, которые в нашем городе освещают, в связи с чем меня даже стали именовать (неофициально) пресс-атташе местной мафии. Новоиспеченный Савва

Морозов, по его собственным словам, испытывает ко мне отеческие чувства (и на самом деле годится мне в отцы по возрасту), к Татьяне он вроде бы питает и другие, но реального воплощения они пока не нашли. Сухоруков неоднократно заявлял, что без нас, а в особенности без меня и моих выходок, ему было бы скучно жить, а так даже он не знает, что я еще предприму.

Можно сказать, что сотрудничество у нас взаимовыгодное. Благодаря Ивану Захаровичу у меня появляется немало материала для освещения в «Криминальной хронике» и «Невских новостях», с ним также можно проконсультироваться по ряду вопросов, да и его покровительство мне в жизни неоднократно помогало. Я же в нужном свете представляю народу его задумки. То он мост хочет построить, то тоннель, то элитный следственный изолятор, то в депутаты Госдумы баллотируется... Народ Ивана Захаровича любит (с подачи моей скромной персоны) и живо интересуется его задумками. И Иван Захарович в самом деле примет меры, если мы с Татьяной куда-то вдруг исчезнем...

– Рассчитывать все равно нужно только на себя, – сказала я подруге и предложила прогуляться вдоль бережка до другого забора, потом направиться к особняку.

У второй россыпи валунов мы замерли на месте.

Застряв между двух камней, лицом вниз лежал мужчина. Верхняя часть туловища находилась на суше, ноги болтались в воде.

Мужчина лежал неподвижно, а дышать, уткнувшись носом в песок, он не мог.

Получалось, что мужчина явно был мертв.

– Так, приплыли, – только и сказала Татьяна.

Я подумала, что в последнее время трупы почему-то появляются везде, где бы я ни оказалась.

Я скинула босоножки.

– Ты куда?! – взревела Татьяна и схватила меня за плечо.

– Нужно посмотреть, кто это, – невозмутимо ответила я. Покойников я за годы работы криминальным репортером насмотрелась немало, включая «поплавков», а этот даже не раздулся, не почернел и не был обглодан рыбами.

Мертвец был в летнем светло-бежевом костюме и белых туфлях.

– Юля, если мы за границей, то лучше ничего не трогать! Здесь нет твоих знакомых из Управления!

Это я знала и без Татьяны, но все равно решила босиком пробраться к телу, прыгая с валуна на валун. Может, удастся заметить что-то еще.

Подобравшись к мертвецу, я увидела его руку. На среднем пальце блестел перстень с огромным рубином, который я тут же узнала.

И тут же все вспомнила. Воспоминания окатили меня, словно волной, и я чуть не рухнула с валуна на труп.

Глава 2

...При подъезде к родному холдингу я увидела выстроившийся перед входом ряд знакомых машин. Иван Захарович Сухоруков прибыл с соратниками. Интересно, зачем? Какой еще проект пришел ему в голову и почему его принесло к нам? Он обычно меня к себе в резиденцию вызывает. Появление Сухорукова по месту моей работы не предвещало ничего хорошего. Ни для меня, ни для холдинга.

Я припарковалась на обычном месте, и мы с оператором выгрузились. Я его обычно забираю из дома. Пашка держал в одной руке драгоценную камеру, в другой банку пива. Без пива он не может ни работать, ни жить. Более того, он его умудряется находить всегда и везде. Думаю, что, окажись мы вдруг в бескрайних песках пустыни, Пашка бы и там баночку обнаружил.

Охранник на входе сразу же сообщил, что «тут приехали по твою душу». Как будто я без него не знала. Далее меня направили в кабинет нашего главного редактора, старой лесбиянки Виктории Семеновны, у которой с Иваном

Захаровичем сложились самые теплые и дружеские отношения.

Виктория Семеновна – классная тетка, и о такой начальнице можно только мечтать. Внешне, правда, у неподготовленных заранее начинающих авторов она вызывает тихий ужас. Росту в ней метр восемьдесят, плечи широченные, ноги здоровенные, размер одежды шестидесятый, обуви сорок третий (в Финляндию приходится ездить, где женская обувь до сорок восьмого), волосы не крашенные, маникюр не делала никогда в жизни, «Беломор» заменяет духи. Как рявкнет своим прокуренным голосом, так мебель дрожать начинает. Но зато она веселая, смелая, никаких начальников не боится, чиновников и депутатов ненавидит лютой ненавистью, перед ними не лебезит и задницы никому не лижет.

С Иваном Захаровичем они сразу же нашли общий язык. Они похожи по духу, росли в одно время и в одной стране, часто предаются воспоминаниям о былом, ну и думами своими делятся по разным вопросам. Еще их объединяет отношение ко мне – как к неразумной дочери, которую частенько нужно вытаскивать из переделок. И по габаритам они очень похожи. Иван Захарович тоже крупный мужчина.

– А мы как раз о тебе говорили, Юленька, – расплылся в улыбке Иван Захарович, демонстрируя результат работы очень дорогого стоматолога. – Мы решили, что ты давно не была в отпуске, устала и тебе бы надо пару неделек отдохнуть.

Я аж поперхнулась чаем, который подала секретарша Виктории Семеновны.

– Юленька, ты так напряженно работаешь, – продолжал заливаться соловьем Иван Захарович. – Нужно съездить на море, покупаться, позагорать, фруктов покушать.

Я посмотрела на Викторию Семеновну и прямо спросила:

– Мэр развонялся?

– И это тоже, – кивнула Виктория Семеновна.

– Мы решим этот вопрос, – с самым серьезным видом ответил Иван Захарович. – Но лучше все-таки на пару недель уехать.

Мэр уже, оказывается, прибежал в холдинг. Роба только была не красная, а сизая. Эдакий похмельно-запойный цвет. Хотел бить мне и оператору морды. Оскорблял всех подряд. Наши это все засняли. Потом можно будет использовать против чиновника.

Виктория Семеновна порадовала меня тем, что к нам звонят граждане, готовые давать показания в суде. «Подвиги» мэра возмутили массу людей. Не только издания нашего холдинга, но и другие городские СМИ опубликовали отклики граждан.

– Юля, ты все сделала правильно, – со вздохом сказала главная. – Ты показала, что на самом деле представляет собой чиновник, мнящий себя пупом земли. Жирный, наглый, пьяный боров. Ему, надеюсь, не отвертеться. Придется, по крайней мере, оплатить людям нанесенный ущерб. Но воняют чиновники! Остановить волну с обвинениями уже не смогут, но отыгаться попытаются на тебе.

Иван Захарович кивнул.

– Сейчас многие программы уходят в отпуск. Будем гонять повторы твоих журналистских расследований, да у тебя и про запас, как всегда, немало отснято, – добавила начальница.

Это соответствовало действительности. Мы на самом деле снимаем с Пашкой «про запас». Эти сюжеты, как правило, не имеют срока давности и могут быть показаны и через месяц, и через два после съемки, а то и больше. Жизнь нас научила, что запас иметь необходимо, хотя в некоторые дни мы не можем поставить и половину отснятого, столько всего происходит в городе.

– И на отдыхе поснимаешь, – невозмутимо добавил Иван Захарович. – Может, в «Светскую хронику» пойдет, а может, и по твоей обычной тематике.

– Как я понимаю, я поеду отдыхать с Пашкой? – уточнила я. – И во вполне определенное место? И куда? Случайно не в Сибирь?

– Там ты уже побывала, – вздохнула Виктория Семеновна и закатила глаза, вспоминая, каких нервов ей стоила та поездка.

- Во Францию, - сообщил Иван Захарович, решив меня больше не мучить неведением.

- Во Францию?! - переспросила я.

Сухоруков кивнул и уточнил, есть ли у Пашки загранпаспорт. Я кивнула.

- Значит, сейчас мои мальчики проедут с вами за паспортами, быстро фотографироваться, и можете собирать вещи. Да, твоя подруга Татьяна тоже составит вам компанию.

- А она в курсе? - обалдело посмотрела я на Ивана Захаровича.

- Я ей сейчас позвоню, - невозмутимо ответил Сухоруков.

- А...

- Жить вы будете у моего друга. Я его специально попросил предоставить вам апартаменты на троих, но не для шведской семьи, - с самым серьезным видом продолжал Иван Захарович. - Я ему все объяснил про ваши отношения и ваши цели.

«Наши цели? - пронеслось у меня в голове. - Значит, будут конкретные задания от Ивана Захаровича?»

- Да тебя-то он знает, правда, только по телевизору, но это неважно, - продолжал Иван Захарович. - Он знает, что организовывать на месте и куда вас направлять.

Я поинтересовалась, какие у нас цели.

- Держать глаза и уши открытыми, - как само собой разумеющееся сказал Иван Захарович. - Снимать все, что посчитаете нужным. В этом я полагаюсь на тебя, Юля. Диктофон постоянно держать включенным.

- Потом выберем, что дать в эфир, - вставила Виктория Семеновна.

– А что нужно-то?! – закричала я. – Объясните мне толком, зачем мы туда едем? Что искать? Что вынюхивать? Или компромат нужно на кого-то собрать?! Скажите прямо!

– Я не могу сказать прямо, – ответил Иван Захарович. – У меня нет точной информации, есть только домыслы. А никого более нюхастого, чем ты, Юля, я не знаю. И ты не вызовешь подозрений. Из тех, с кем там встретишься, тебя знает большинство, а если не знает, то легко уточнит, кто ты есть. Твое появление у моего друга будет вполне оправданным для всех. Так и будете говорить: приехали в отпуск, но не можете не работать. Оператор не может не снимать, ты не можешь не брать интервью.

– Его нужно взять у кого-то конкретного?

– У Артура Небосклонова можешь не брать, – заявил Иван Захарович.

– Возьми обязательно, – вставила Виктория Семеновна. – Его мы точно в сетку поставим. А тебе он не откажет.

Артур Небосклонов – это мегазвезда, отдающая голубизной, правда, представляемая народу еще и как супермужчина, супержеребец, мечта женщин всех возрастов и герой нашего времени в целом. Голосом кастрата Небосклонов поет слащавые песенки о любви, его физиономию регулярно показывают по телевизору, она смотрит на граждан с плакатов, страниц газет и журналов. Артур вызывает восторг у определенной части населения, а его любовная лирика льется из окон. Мне с ним неоднократно приходилось сталкиваться по жизни и даже выручать его из неприятностей – для поклонниц и будущих поколений, так что он мне многим обязан и точно знает, что он мне на фиг не нужен, а ему самому, не исключено, когда-то потребуется моя помощь. Он мне даже одну песню посвятил, что вызвало жуткую ревность фанаток, но Артур заявил, что любит меня как сестру.

– И он там будет?! – застонала я. Артур часто вел себя, как ребенок, и меня утомлял.

– Там много кто будет, – ответил Иван Захарович.

– У вашего друга большой дом?

- Батальон можно расквартировать.

- Дом во Франции?

- На Лазурном Берегу. Прямо у воды. И яхта есть, и свой причал, и пляж, и бассейн, и сад. Ты в самом деле там сможешь отдохнуть. Но не забывай работать.

- Сколько народу будет жить у вашего друга?

- Не знаю. Но ты его домом не ограничивайся. Будете ходить в гости, с людьми знакомиться. Там все время какие-то мероприятия организуются. Народ тусуется. Может, мужа себе заодно найдешь. Давно уже пора. Так что нарядов возьми побольше, и не с рынка.

Иван Захарович знал, что я равнодушна к шмоткам. Для меня главное, чтобы было комфортно. Но я понимаю, что на ряде мероприятий нужно выглядеть соответствующим образом. Значит, будем выглядеть.

Виктория Семеновна откровенно поразила меня тем, что, как и Иван Захарович, посоветовала мне поискать себе мужа среди публики, с которой я неизбежно столкнусь на Лазурном Берегу.

- Да что с вами сегодня такое с обоими?! - воскликнула я. - Зачем мне муж?!

- Хотим скинуть на него хоть часть проблем, которые возникают в связи с тобой, - заявил Иван Захарович то ли в шутку, то ли всерьез. Я не поняла. - Думаю, тебе бы подошел какой-нибудь олигарх.

- Зачем мне олигарх?! - заорала я. - Уж кого-кого, а...

- А многие хотят замуж за олигарха, - невозмутимо заметила Виктория Семеновна. - И пособия с советами о том, как за них выходить замуж, расходятся большими тиражами. Сама знаешь.

– Ребеночка тебе пора родить, – вторил ей Иван Захарович, потом заявил, что они с Викторией Семеновной с удовольствием станут крестными мамой и папой моему ребеночку. Виктория Семеновна добавила, что мои родители будут счастливы. Им как раз занятие на старости лет, а я смогу дальше работать, как работала.

Я открыла от удивления рот. Это было что-то новенькое. Виктория Семеновна умильно смотрела на меня. Может, это у нее возраст так проявляется? И ее вдруг заклинило на устройстве моей личной жизни. Или это Иван Захарович ей мозги запудрил? С него станется. Он может их запудрить даже нашей главной, выбрав самую подходящую тему: меня.

– Может, подскажите кого-то конкретного? – спросила я, зная, что Иван Захарович никогда ничего не делает просто так и пустых разговоров вести не любит. – Кого бы вы хотели видеть отцом вашего крестника?

– Просто к мужикам присматривайся, – резко ответил Иван Захарович с серьезным выражением лица. – Ко всем нюансам. Главное – будь очень внимательна к мужикам, которые проявляют к тебе интерес.

– А вы считаете, что у мужчины не может возникнуть желания познакомиться со мной просто так? Я, знаете ли, себя сегодня в зеркале видела и осталась довольна.

– У нормального, проживающего в нашем городе – нет, – невозмутимо заявил Иван Захарович. – И дело тут совсем не во внешности. Они тебя по телевизору смотрят и читают твои опусы, поэтому должны иметь представление о том, что у тебя в голове и чем ты целый день занимаешься. Кроме того, должны знать, что ты находишься под моим покровительством, а со мной мало кто желает связываться. То есть теперь никто не желает. А тебя считают моим пресс-атташе. Но вот если кто-то из другого города или страны... Из Москвы, например, или из постоянно проживающих во Франции...

– Да скажите хоть что-то конкретное! – заорала я. – Фамилию назовите, кличку, что угодно!

– К олигархам, к олигархам присматривайся, Юленька, – проворковала прокуренным голосом Виктория Семеновна. Иван Захарович промолчал, только в

последний раз напутствуя, очень серьезно сказал:

- Ты знаешь, что может меня заинтересовать... Я верю в тебя, Юля.

Потом мы с Татьяной и Пашкой в спешке готовились к отъезду. Люди Ивана Захаровича быстро организовали нам визы. Мы не задавали лишних вопросов. Татьяна к предложению отнеслась совершенно спокойно.

- Поедем, развеемся, - пожала плечами соседка. - Тебе же не дали никакого конкретного задания, которое нужно выполнить кровь из носу? Точно ничего не объяснили? Вот и не дергайся. Что снимешь - то снимешь. Побольше только снимай, чтобы претензий не было.

- Интересно все-таки, что Ивану Захаровичу понадобилось на Лазурном Берегу Франции, - не могла успокоиться я.

- На месте разберемся, - сказала Татьяна.

Перед отъездом заглянув в Интернет, я долго смеялась. Какие-то ребята-компьютерщики пришли к выводу, что в позе эмбриона я помещусь в огромном пузе мэра. Картинку под названием «Мэр проглотил журналистку» уже запустили во Всемирную паутину. Рядом стоял призыв: «Спасем Юлю от мэра!» Все высказавшиеся в Интернете граждане были на моей стороне. Я поехала во Францию в прекрасном настроении. Прорвемся!

Глава 3

Летели мы на «Боинге-767», в экономическом классе. В самолете оставались свободные места, хотя и немного. Мы оказались в четвертом ряду самого большого салона. Место у иллюминатора занимал какой-то мужчина, рядом с ним сидел Пашка, через проход - я, потом Татьяна. Тетка рядом с Татьяной летела вместе с двумя детьми, которые сидели на двух креслах после второго прохода. (Места в салоне распределялись по схеме 2-3 - 2.) Два кресла перед Пашкой оставались свободными.

Мужик у окна стал молча глушить виски, купленные в дьюти-фри. Пашка сразу же попросил у стюардессы пиво. Мы с Татьяной сохраняли трезвость и вели разговоры друг с другом и с Пашкой через проход. Мужик рядом с Пашкой все время молча пил.

- Посмотри, какой у него перстень, - вдруг шепнула Татьяна. - На левой руке.

Правда, приглядываться пришлось долго, потому что специально он нам украшение не демонстрировал.

- По-моему, даже с печатью, - прошептала Татьяна, которая уже начала страдать дальновзоркостью. Правда, сейчас она пошла на пользу. - Как в средние века у всяких королей. Такими перстнями письма запечатывали.

- И в них еще яд заливали, - добавила я. - Так что лучше с мужиком за руку не здороваться.

- У него перстень на левой руке, - напомнила Татьяна.

- Значит, вообще лучше близко не подходить, а то нажмет на какой-то потайной рычажок, а там отравленная иголочка выдвинется и - «здравствуй, груз 200».

После кормления и обильных возлияний в конце салона началось какое-то выяснение отношений, которое быстро переросло в драку. Пашкин сосед оглянулся, очень внимательно осмотрел дерущихся, потом попросил у Пашки его пропустить.

Мы с Татьяной вывернули шею. Мужик по пути подвинул дерущихся и прошел в туалет. Тут раздался голос командира корабля, которому стюардессы явно сообщили об инциденте и своем бессилии. Двух мальчиков-стюардов не хватало для того, чтобы справиться с десятью дерущимися мужиками. Командир корабля требовал прекратить драку, или он будет запрашивать разрешение на вынужденную посадку, а оплачивать расходы придется дерущимся.

- Паша, снимай, а? - попросила я. - Нам ведь велено снимать все. А это вполне пойдет для «Криминальной хроники».

Драка не прекращалась. Командир корабля сделал очередное предупреждение. Остальные пассажиры, летевшие на отдых, совсем не хотели вынужденной посадки и отсрочки прибытия к месту назначения на неопределенное время, а поэтому попытались вразумить дерущихся словом. Слова не возымели никакого действия. Часть пассажиров просто орала, что им не нужна вынужденная посадка.

Пашкин сосед из туалета не возвращался.

Я с улыбкой на устах давала комментарий в камеру. Будет Виктории Семеновне что поставить в сетку.

Потом внезапно раздался жуткий треск. Все замерли на своих местах. В салоне воцарилась гробовая тишина...

Над рядом кресел, где сидел Пашка, открылись панели, и оттуда выпали желтые кислородные маски. Я точно помню, как видела это, словно в замедленной съемке. Казалось, они вываливаются очень медленно, хотя, наверное, падали быстро. Следующие несколько секунд не помню. Я очухалась только после того, как оказалась на одном из пустующих кресел перед Пашкой с маской на физиономии. Рядом устроилась Татьяна, тоже с маской на лице. Пашка маску натянул, но стоял, продолжая снимать происходящее.

Я поняла, насколько у меня силен инстинкт самосохранения, отточенный работой криминального репортера. Я действовала, словно на автопилоте. Я вначале рванула к ближайшей свободной маске и надела ее, а только потом сообразила, что сделала.

Драка прекратилась сама собой. Требовалось спасти свою жизнь. А маски-то выпали только в крайнем левом ряду...

Пашкин сосед так и не вернулся. «Может, ему плохо стало в туалете?» – запоздало подумала я, хотя теперь, конечно, не собиралась идти проверять, раз в салоне началась разгерметизация.

Пассажиры из среднего и из крайнего правого ряда повскакивали на кресла и рвали панели в потолке. Основная масса орудовала голыми руками, но у части граждан появились вспомогательные приспособления. Я даже понять не могла,

откуда они взялись, ведь вроде бы теперь ничего подобного в салон проносить нельзя. Но это были наши люди. Они могут пронести что угодно и куда угодно.

Если несколько секунд назад в салоне стояла гробовая тишина, то теперь народ вопил на все голоса, ругался матом, толкался, падал с кресел, вставал и снова вспрыгивал на них. Толстая тетка, сидевшая рядом с Татьяной, с пластиковой планкой в потолке справилась на удивление быстро, и три маски оказались над креслами, где недавно находились и мы с подругой. Правда, теперь туда переместились теткин дети с крайнего правого ряда.

Из-за занавески в нашем проходе высунулось лицо стюардессы. Вероятно, экипаж отправил девушку выяснить, что происходит в салоне. Командир корабля временно молчал и больше не угрожал вынужденной посадкой. Или он уже связался с землей. Я вовремя дернула Пашку за футболку сзади, показывая, что нужно снять девушку, и сама следила за изменением выражения ее лица. Я опять, словно в замедленной съемке, видела, как на нем отражается ужас. Девушка резко развернулась и убежала в сторону кабины пилотов.

Потом на два голоса заговорили командир корабля и старшая бортпроводница. Они убеждали пассажиров успокоиться, снова и снова повторяли, что никакой разгерметизации не произошло, в салоне достаточно кислорода и можно свободно дышать.

Но народ не реагировал. Люди продолжали крушить самолет. Пашка снимал происходящее.

Вообще-то был удар. Его все слышали. Но тогда почему маски выпали по всему ряду? Если бы они выпали над теми креслами, где кто-то врезался (не знаю, куда, потом на записи посмотрим), было бы понятно. Пусть еще над соседними, но тут же рядов сорок...

В обоих проходах появились стюардессы с каменными лицами и медленным шагом, друг за другом они пошли по салону, повторяя заклинание:

– В воздухе есть кислород. Маски вам не нужны. Сядьте, пожалуйста.

Командир корабля просил наш ряд снять маски, но, как я заметила, никто этого не делал. Пашка и стюардесс снял.

Я подумала, как бы в салоне от всех действий обезумевших пассажиров на самом деле не произошла разгерметизация.

Окончательно народ успокоился только к тому времени, как самолет начал снижение. Салон являл собой жуткое зрелище. Панели удалось сорвать многим гражданам, кресла сломались под весом некоторых, кругом качались маски. Я с удивлением узнала, что они не убираются автоматически после того, как выпали, и будут болтаться перед нашими носами до выхода из самолета. Но пусть лучше болтаются.

Мы с Татьяной так и остались в левом ряду, Пашка временно прекратил снимать. Вскоре из туалета, как ни в чем не бывало, вернулся его сосед и занял свое место. При нем мы ничего не обсуждали.

В аэропорту нас встретил лимузин от Василия Степановича, друга Ивана Захаровича, и отвез в русское имение на французской земле.

Василия Степановича, как нам объяснили перед отъездом, друзья зовут русским «графом Монте-Кристо» из-за того, что покинул зону по документам одного из умерших в неволе сидельцев. Василий Степанович в родную страну вернуться не мог, да и не собирался в ближайшее время. Ему и во Франции хорошо жилось.

Так, может, нас из-за него сюда послали? Выяснить, чем он здесь на самом деле занимается? Поэтому наш покровитель и договорился, что мы будем жить в его доме? Ведь он легко мог оплатить любую гостиницу и даже снять домик на побережье. Ну что ж, будем держать глаза и уши открытыми.

Я не знаю, как точно назвать то, что мы увидели. Все-таки не замок, хотя сам хозяин именовал его именно таким образом. Традиционные для замков башенки отсутствовали, бросались в глаза переливающиеся на солнце золоченые купола-луковицы в количестве пяти штук. Это зрелище чем-то напомнило мне Екатерининский дворец в Пушкине. Вскоре выяснилось, что у Василия Степановича имеется часовня, так сказать, на дому, со своим штатным попом, выписанным из родных сибирских краев хозяина. Поп, по его словам, хорошо поработал в острогах и заслужил отдых в теплых краях. Более того, поп по профессии был фельдшером и немало лет трудился на этом поприще. Так что нашему хозяину было выгодно иметь врача души и тела в одном лице.

В других местах крыша была ровной, только с весьма внушительными бортиками, чтобы народ по пьяному делу не валился вниз. На крыше располагался бассейн, был оборудован солярий и иногда проводились вечеринки. Василий Степанович похвастался, что приемы на крыше из всех здешних русских проводит только он.

Высота здания составляла метров десять, этажей было три, плюс подземный с винным погребом. Вероятно, там имелось что-то еще, но нам это не демонстрировали. Может, потом сами посмотрим в порядке частной инициативы.

Нам показали оранжерею, кинозал и японскую комнату для релаксации с двумя японками.

Апартаменты для гостей включали – как бы получше выразиться? – балконы. Правда, под этим словом обычный гражданин понимает совсем не то, что торчало из стен особняка. Здесь были присобачены какие-то площадки, по форме напоминающие капли и выступающие вперед на разную длину. На балконах стояли пластиковые кресла и столики и имелись выдвигающиеся тенты разных расцветок. Когда мы оказались у дома, часть была выдвинута.

Мне доводилось видеть немало «шедевров» архитектуры последних лет, но такое уродство, признаться, я видела впервые. Здание было выкрашено в болотный цвет, у главного входа стояли атланты наподобие тех, которые держат портик Нового Эрмитажа со стороны Миллионной улицы, только из розового мрамора.

Василий Степанович усмехнулся:

– Знаете, кто мне их сваял? Один известный советский скульптор, дядька уже в годах, но такой классный мастер! Работает не за страх, а за совесть.

– Это вы имеете в виду деньги мафии, а не Ленинскую премию? – уточнила я с невинным видом.

Василий Степанович хмыкнул и заявил, что его предупреждали о моей стервозности и он несколько не удивлен моему вопросу. После этого «граф Монте-Кристо» поведал интересную историю о том, как этот скульптор в одном из городов России в советские времена по заданию Коммунистической партии из

буржуйских атлантов сделал советских рабочих. Теперь скульптор обосновался во Франции и ваяет для проживающих здесь соотечественников все, что они пожелают. Специалист он разносторонний, может и соцреализм выдать, и готику, и неоклассицизм.

Парк впечатлял фонтанами и статуями, имелся свой пляж, свой причал и своя яхта, а также несколько мелких суденышек.

В доме, конечно, тоже стояли статуи (куда ж без них?), на стенах висели картины, думаю, подлинники.

Наши апартаменты состояли из трех комнат. Из коридора дверь открывалась в гостиную, в которой на диванчике разместился Пашка, а из гостиной двери вели в две спальни, которые заняли мы с Татьяной. В каждой спальне имелся свой санузел с современной сантехникой. Мебель в комнатах тоже была современной, без вычурности.

– Иван Захарович сказал, что вы антиквариат не любите, – заявил Василий Степанович. – Вы правда предпочитаете кровати без балдахин? А то у меня есть и с колоннами, и с разными пологам...

– Нет, спасибо, нас все устраивает, – поспешила сказать Татьяна.

Я же смотрела на компьютер, стоявший в гостиной.

– К Интернету подключен? – спросила я. – Это нас волнует гораздо больше.

– Да, конечно, – кивнул хозяин. – Все сделано, как вам требуется. Можете пересылать все ваши материалы.

Нас предупредили о времени ужина, и хозяин нас покинул.

Приняв душ и разложив вещи в огромных шкафах, мы с Пашкой тут же занялись пересылкой (Виктории Семеновне и Ивану Захаровичу), а потом просмотром (иногда покадровым) отснятого в самолете материала. Татьяна участвовала в просмотре.

– По-моему, обычная драка, – сказала подруга в конце. – Конечно, для эфира пойдет, у нас еще вроде бы никто не показывал драку в воздухе с выпадением кислородных масок, но в принципе... Пьяные мужики что-то не поделили.

Я еще раз просмотрела проход Пашкиного соседа в туалет и не заметила ничего интересного. Его, правда, пару раз качнуло на граждан, но ведь он выпил немало виски.

Во время ужина прибыла французская полиция – по нашу душу. Василий Степанович аж вином поперхнулся (за пять тысяч долларов бутылка).

Полиция желала побеседовать со мной и с Пашкой, ну и с Татьяной заодно. Оказывается, они уже успели навести о нас с Пашкой справки. Вот что значат чудеса современной техники и скорость связи! В Управлении, где у меня много друзей и консультантов, а у Пашки собутыльников, нам дали самую распрекрасную характеристику. Нас описали как законопослушных граждан, которые всегда сотрудничают с органами, оказывая посильную помощь. В общем, французской полиции дали понять, что мы свои в доску, подозревать нас ни в чем нельзя, и вообще мы всегда показываем органы в нужном свете.

У нас попросили заснятый в самолете материал. Кто-то из пассажиров или экипажа уже успел наклеветать, что в самолете летели Смирнова с оператором. Мне было жаль наших мужиков, у которых теперь явно возникнут неприятности, но, как вскоре выяснилось, жалела я их зря.

На то, что делалось в самолете российской авиакомпании, французской полиции было ровным счетом наплевать. Но труп, прибывший в российском самолете на территорию Франции, местную полицию очень даже интересовал, потому что он отправился во французский морг.

Я предложила всем вместе посмотреть пленку. Мы точно не видели, чтобы кто-то умирал в самолете. Во время драки никого не убили. В этом я была готова поклясться на Уголовном кодексе Российской Федерации и на его французском аналоге.

У французов была фотография трупа. Мы нашли его на нашей пленке еще вполне живым. В драке этот мужчина не участвовал. В самом конце нашей съемки он, судя по виду, спал, хотя теперь мы не могли утверждать это с полной

уверенностью.

– Так у него вполне мог случиться разрыв сердца от всего, что творилось, – заметила я.

Судя по виду, мужчине было сорок с небольшим (опасный возраст), телосложение плотное, лицо одутловатое, как у любого явно пьющего человека. Он несомненно принял на грудь и перед вылетом, и после взлета, а потом началась паника...

Нет, паника его не затронула. Мы снова прокрутили запись и увидели, что после выпадения масок он с трудом оглядел происходящее и опять опустил голову на грудь. Ему уже тогда было плохо? Мне было жаль, что мы не обратили на него внимания. Может, его бы удалось спасти...

– Его бы не удалось спасти, – заявил французский полицейский, комиссар Дидье. – Если у вас, конечно, не было нужного антидота.

– Чего? – спросила Татьяна.

– Его что, отравили?! – воскликнула я.

Французы-полицейские дружно кивнули. Мы уставились на них.

– Некачественный алкоголь? – подал голос Пашка, который почти всегда пьет только пиво.

– Нет, очень редкий яд, изготовленный по средневековому рецепту.

Мы дружно моргнули.

Первой в себя пришла я и спросила, можно ли определить, когда в несчастного вприснули яд.

Это было неизвестно.

– Но яд быстрого действия или замедленного? Я имею в виду: его в России ввели или уже в самолете?

Французские эксперты считали, что в самолете, тем более на плече мертвеца имелся след свежего укола. Плечо было левое, как раз то, которое выставлялось в проход.

По крайней мере, нас в убийстве не подозревали, и на том спасибо. Копию записи мы французской полиции презентовали, и они с этим удалились.

Мы же снова стали смотреть запись.

На этого дядьку падал Пашкин сосед. Во время драки на него валились или задевали еще три мужика – он как раз сидел в той части самолета, где народ выяснял отношения.

– Точно, этот тип его отравил, – заявила Татьяна. – Я же тебе говорила, Юля, чтобы ты обратила внимание на его перстень. Раз отравили, да еще средневековым ядом... Однозначно Пашкин сосед.

Я предложила обратить внимание Ивана Захаровича на двух граждан – умершего и Пашкиного соседа. Пусть его подчиненные вышлют нам информацию о том, кто это. Не исключено, это нам поможет.

Однако мы не успели отправить запрос. Прорезался наш друг опер Андрюша из Управления и сообщил, что мы вскоре увидимся. Именно его отрядили в помощь французской полиции от нашего Управления, в частности потому, что во Франции находится наша компания и сотрудничать нам всем не впервой. Осталось только сделать визу. Консульство по требованию собственной полиции явно должно поторопиться, так что мы вскоре воссоединимся.

– Боже мой! – воскликнула Татьяна. – Ни в одну страну нельзя уехать, чтобы за тобой не приперся кто-то из знакомых.

Я уточнила у Андрюши, кого убили. Это оказался известный «черный» торговец антиквариатом.

– Но зачем такие сложности? – не поняла я.

– А это надо у убийцы спрашивать. Или заказчика, – хмыкнул приятель и распрощался.

Мы все-таки послали запрос Ивану Захаровичу и насчет убитого, и насчет предполагаемого убийцы.

Информацию насчет убитого он подтвердил, типа с перстнем не знал, но дал задание подчиненным выяснить, кто это такой и зачем его понесло во Францию.

Может Ивана Захаровича интересовать антиквариат? У него в загородном особняке, где он проживает большую часть времени, и в городской квартире полно старинных штучек. Но может ли его интерес быть, так сказать, профессиональным? Я считала, что да. Поэтому эту «тему» следовало отложить в памяти. Будем следить за развитием дела. Тем более Андрюша приезжает...

Глава 4

На следующий вечер «граф Монте-Кристо» устраивал вечеринку для богатых русских, отдыхающих на Лазурном Берегу. К сожалению, мы на нее опоздали из-за того, что были вызваны в полицию для дачи официальных показаний. Андрюша пока не появился. В полиции также оказалось еще несколько человек, летевших нашим рейсом, которые узнали меня. Я сама узнала только одну женщину, да и то потому, что несколько раз видела ее на пленке. Под ней сломалось кресло, но она к тому времени уже успела подцепить панель в потолке, слетела на пол с панелью, быстро вскочила и ухватила кислородную маску, к которой потянулась загребущая рука какого-то мужика из кресла сзади. Мужик получил по морде и отключился от удара, а не от отсутствия кислорода в салоне.

В полиции тетка орала, что ей испорчен отдых, и требовала компенсации. При виде меня она бросилась к нашей компании аки коршун, причем с такой резвостью, словно была молодой горной козочкой, а не напоминала бурю медведицу-шатуню.

Мы услышали, что она прилетела отдохнуть после сложного судебного процесса. Любовница мужа, которую тетка (разумеется, вместе с мужем) застала в своей собственной постели, требовала оплаты пластической операции по реставрации носа, скулы и челюсти. Правда, ничего не добились. Единственный свидетель, муж, заявил, что любовница такой и была в момент его с ней знакомства. Жена ему ежедневно объясняет, кто он есть, и поэтому он прекрасно понимает, что на него никто, кроме такой уродки, не позарился бы. Он также сказал, что подобрал любовницу на районном «пьяном углу», после того, как выпил с друзьями пива. Два друга это подтвердили.

Я поинтересовалась у тетки, почему муж так заявил, подумывая, что могу вставить этот материал в одну из статей о бытовухе.

– Так мой-то не работает и не хочет, – как само собой разумеющееся заявила тетка. – Кому он нужен в пятьдесят лет? А друзьям я тоже иногда наливаю и работенку подкидываю.

Когда мы вернулись в особняк, веселье было уже в самом разгаре. Мы отправились переодеваться и вскоре спустились в сад с фонтанами, в которых, вероятно, намечалось купание по национальной традиции. Мы с Татьяной были в платьях для коктейля и босоножках, Пашка надел белые брюки и рубашку-поло, а также прихватил камеру. Мы не сомневались, что на вечеринке будет что заснять, если и не для «Криминальной хроники», то для коллег из «Светской».

В парке стояли столы для фуршета, пили вино и водку. Девушки по большей части были юными, гораздо младше нас с Татьяной, хотя кое-кто явно приближался к тридцати, но очень хорошо следил за собой. Мужчины были солидными и холеными. Платья на девушках, по-моему, скорее напоминали широкие пояса, чем собственно платья, поскольку заканчивались – как бы помягче выразиться? – едва прикрывая причинные места и рекламируя дорогих производителей нижнего белья, а начинались... как правило, чуть выше сосков. У некоторых, правда, из-под платьев торчали лифчики. Возможно, это такая мода, но мне лично не нравится, когда сверху или снизу торчит нижнее белье, хотя я ведь не солидный мужчина... Ведь эти женщины одеваются для мужчин?

Также мы с Татьяной обратили внимание на ремни на головах у девушек. Наверное, они называются как-то по-другому. В мои школьные годы какое-то время было модно носить обручи, так вот эти ремни выполняли роль обручей, у кого-то проходили перед ушами, у кого-то за ушами, а над центром лба

застегивались, и иногда с пряжками. Предполагаю, что часть пряжек украшали настоящие драгоценные камни.

– Пиво тут есть? – Пашка поймал какого-то официанта за рубашку. Официант оказался русским.

Вместо пива была драка, на этот раз между бабами.

Она началась, как раз когда мы подходили к столам. Ближе к берегу, на полянке, собралась толпа гостей, которая подбадривала кого-то криками, улюлюкала, хлопала в ладоши. Мы присоединились к народу и увидели, что в центре круга верхом на известной светской львице Екатерине Собакиной сидит оперная певица Магдалина Сухоручко и дерет львице гриву, сопровождая действия высказываниями о том, что она думает о Собакиной и ее родственниках.

– Так драться можно только из-за мужика, – заметил Пашка, ни к кому конкретно не обращаясь.

– И из-за карьеры тоже, – сказала я, поскольку лично знала Магдалину (в прошлом – Вальку).

– Вы оба не правы, – повернулся к нам импозантный мужчина, в котором я узнала одного из известных олигархов. – Сухоручко посчитала личным оскорблением нелюбезное высказывание о своей святой покровительнице Марии Магдалине и вступилась за ее честь.

Мы втроем отвесили челюсти. В этот момент Магдалина Сухоручко стала цитировать Библию и объяснять Собакиной и всем собравшимся, что о блуде Марии Магdalины там нет ни слова. На нее имеется несколько ссылок в четырех канонических Евангелиях, причем кратких. С уверенностью можно говорить только о четырех моментах. Во-первых, Мария Магдалина была одной из женщин – последовательниц Христа. Во-вторых, она присутствовала при распятии. В-третьих, являлась свидетельницей воскрешения Христа. В-четвертых, на нее была возложена миссия передать послание Христа, то есть весть о том, что через победу Христа над смертью вечная жизнь предлагается всем верующим.

Каждый пункт Сухоручко подчеркивала выдиранием очередной пряди у Собакиной. Вероятно, для лучшего запоминания. Мне было интересно, у Собакиной свои волосы или нарощенные? Уж больно легко вырывались. Или это Валька-Магдалина такая специалистка?

– Слушайте, бабы, кончайте теологический спор! – рявкнул какой-то поддатый дядька. – Или морды друг другу бейте, или расходитесь, королевы ринга, блин!

Магдалину с трудом оттащили от Собакиной. Я быстренько направилась к ней, чтобы поздороваться, выразить свое восхищение и одобрение ее действиями. Я, откровенно говоря, терпеть не могу Собакину, с которой, правда, не знакома. Но у нее тоже сразу же нашлись сочувствующие, и гости разделились на два лагеря. Наш оказался больше.

* * *

Оперная певица Магдалина Сухоручко еще недавно была стриптизершей Валькой, демонстрировавшей свои натуральные прелести у шеста. А у нее на самом деле все натуральное. В стриптизе ее высмотрел один очень серьезный восточный человек по имени Важа Георгиевич, который любит все пристойное и всегда все делает основательно. Иван Захарович с ним знаком с молодости и относится с большим уважением, что для меня является прекрасной характеристикой.

Хотя Важа Георгиевич нашел Вальку Сухоручко в стриптизе, куда она прибыла с самостийной Украины, где не было работы и нечего было жрать, он не мог позволить, чтобы она и дальше там крутилась, показывая себя в голом виде другим мужикам. На эстраду, которую считал видом стриптиза, он ее тоже отправлять не захотел и решил поместить в оперу.

Важа Георгиевич лично отправился в известный на весь мир оперный театр и заявил о желании видеть свою любовницу на сцене. В свою очередь он пообещал оказать театру спонсорскую помощь. Вазу Георгиевича очень внимательно выслушали и поинтересовались, умеет ли дама петь. Важа Георгиевич этого не знал и, откровенно говоря, даже не поинтересовался у Вальки. Он мог точно описать, какие у нее формы, но вот насчет голоса сказать было нечего. Кроме того, Важа Георгиевич помнил слова одного продюсера девичьей группы, с которым приятельствовал. Девушки в группе регулярно меняются, а объявляя

очередной кастинг, продюсер приглашает внешне симпатичных и имеющих танцевальную подготовку. По его словам, главное – иметь презентабельную внешность и уметь двигаться, а петь он научит.

Поэтому Важа Георгиевич и удивился вопросу. Он же деньги предлагает, и немалые! Певцы же для других целей берут. Но Важа Георгиевич на всякий случай предупредил, что в случае, если кто-то из театра поведет себя с Валькой непристойно, он их лично «зарэжет». Ему объяснили, что он может не беспокоиться, в театре все, за малым исключением, по другой части. Важа Георгиевич еще больше обрадовался своему выбору приложения талантов новой любовницы и подумал, что следующих он, пожалуй, тоже будет пристраивать сюда. А поэтому надо завести хорошие контакты к взаимному удовлетворению.

В общем, он сказал директору и художественному руководителю, чтобы они хорошо подумали. И те придумали.

У художественного руководителя имелся талантливый племянник, композитор, которому, несмотря на дядины связи, никак не удавалось пробиться. У племянника в загашнике лежала написанная опера «Мария Магдалина», которую ни один театр не решался поставить из-за стоимости проекта. Требовались новые декорации, костюмы, технические приспособления (например, молодой композитор хотел, чтобы семь бесов выпрыгивали из спины Магдалины, а это не так просто осуществить технически).

Художественный руководитель с директором предложили спонсировать этот проект Важе Георгиевичу. Важу Георгиевича обещали указывать на всех афишах как спонсора, он также потребовал в свое распоряжение занавес, на котором разместит свою рекламу. О занавесе какое-то время спорили и в конце концов договорились, что на время постановок «Марии Магдалины» будут использовать не обычный, а второй, на котором новый спонсор может размещать все, что пожелает. Во всех других операх будет обычный.

Оставалось решить вопрос с партией, которую будет исполнять дама Важи Георгиевича. Сотрудники театра пригласили Вальку на прослушивание. Им стало дурно уже после того, как они услышали ее хохляцкий акцент в разговорной речи, а уж после пения совсем поплохело. Для примера она исполнила «Песню про зайцев», прославленную Юрием Никулиным в «Бриллиантовой руке», «Катюшу» и гимн Советского Союза, потому что слов русского не знала. Во всех случаях сильно фальшивила. На вопрос, что она

еще знает, она честно ответила, что только матерные частушки, а вышеупомянутые песни у нее в голове с детства отложились.

- Значит, вы давно мечтаете петь на оперной сцене? - чуть-чуть придя в себя, спросил художественный руководитель.

- Никогда об этом не думала, - опять честно ответила Валька. - И вообще, что мне в опере предстоит петь, я узнала только вчера, когда Важа велел на прослушивание отправляться.

- А где-то еще петь собирались? - не отставал художественный руководитель.

- На эстраде, - ответила Валька. - Я давно спонсора искала.

- Вы считаете, что подходите для эстрады?

- Конечно. С моими-то данными. Кстати, у вас что, клипы снимают, а то я не очень представляю, что и как тут делается?

Параллельно состоялась моя встреча с композитором. Мы с Ильей учились в одной школе, он - на два года старше. Я его вспомнила при личной встрече, а он видел меня по телевизору и решил воспользоваться дальним знакомством.

В первый раз мы встречались еще до появления на горизонте Важи Георгиевича и Вальки Сухоручко. Илья просил меня поискать спонсора на «Марию Магдалину» среди моих знакомых и обещал процент. К моему сожалению, желающих не нашлось. После появления Важи Георгиевича Илья снова позвонил и попросил выяснить по моим каналам, что представляет собой этот человек и не опасно ли с ним связываться.

После проведения маленького расследования я сообщила, что связываться опасно, но стоит. Нужно просто делать то, что он хочет, а он в долгу не останется. По крайней мере, мелкая подстава - не его стиль, а спонсирование оперы по меркам Важи Георгиевича относилось к мелочам.

В следующий раз Илья позвонил в полном отчаянии, буквально рыдая в трубку. Во-первых, рушилась мечта всей его жизни. Во-вторых, он за эту самую жизнь

опасался. Дело было в том, что Вальку Сухоручко никак нельзя было выпустить на оперную сцену и позволить петь. Это означало конец театру. Илья не знал, к кому обратиться, а поскольку из всего его круга общения с мафией лично знакома была только я, он спрашивал у меня совета.

Мне стало жалко парня, еще я решила, что хорошо иметь человека, который тебе чем-то обязан. Мы встретились втроем – Илья, Пашка и я. Илья в подробностях описал ситуацию, рассказал про оперу, про прослушивание, про «зарэжу».

– Юля, что делать? – Илья смотрел на меня доверчивым взглядом маленького спаниеля.

– А за сценой за нее никто не может петь? – подал голос Пашка. – Фонограммы у вас, как я понимаю, не бывает, но если просто кого-то поставить? А она будет рот открывать.

– Это не эстрада, – вздохнул Илья. – Если честно, мы это уже обсуждали. И если бы у нее была какая-то маленькая партия, то мы бы, конечно, так и поступили, но Важа Георгиевич настаивает, что она должна постоянно находиться на сцене.

Я глубоко задумалась, и тут у меня мелькнула совершенно дикая мысль...

– А она обязательно должна петь? – уточнила я.

Илья хлопнул глазами.

– Это же опера, – сказал он.

– Я понимаю, что это опера, но – со специфическими условиями. Нужно уточнить у Важи Георгиевича, согласится ли он, чтобы Валька весь спектакль пребывала на сцене, но молчала. Как мне сказали, он мужчина здравомыслящий.

– А что она будет делать на сцене? – робко уточнил композитор.

Я предложила ввести поющий персонаж – alter ego Марии Магдалины. Илье, конечно, придется оперу доработать, но ведь, если что хочешь получить,

приходится идти на компромиссы. Вальке сошьют самые шикарные костюмы, на голову наденут парик с длинными золотистыми распущенными волосами. Вообще волосы могут служить одеждой Марии Магдалины. И пусть себе к зрителям то одним боком поворачивается, то другим, демонстрируя свой дивный бюст.

Илья задумался, потом спросил, не могу ли я присутствовать на встрече с Важей Георгиевичем и лично изложить ему свою идею. Я решила, что знакомство с Важей Георгиевичем мне совсем не мешает, тем более он должен меня знать заочно.

Мы очень мило побеседовали, Важа Георгиевич на прощание меня даже в щечку поцеловал и сказал, что меня правильно считают здравомыслящей девушкой и он лично понимает, почему меня так любит Иван Захарович.

Потом мы познакомились и с самой Валентиной. Она меня поразила. Вот это статья! Рядом с Валькой я чувствовала себя Дюймовочкой, потому что на голову ниже, а по формам... Не будем о грустном. Более того, та обладала потрясающим практическим умом, благодаря которому и пробивалась в жизни.

Меня поразило, что Сухоручко, несмотря на десять классов официального образования, очень много читает, хотя и все подряд. Оказалось, что она из учительской семьи и высшее образование не получила не потому, что не хотела, а потому, что не было возможности. Отец умер, на Украине остались два младших брата, один – больной. Требовалось зарабатывать деньги. Кроме Вальки было некому.

Мы сразу нашли общий язык, поняв, что не конкурентки ни в профессиональном, ни в личном плане. Наши карьеры никак не пересекаются, на нас реагируют совершенно разные мужики. С другой стороны, мы можем быть друг другу полезны.

Идея сменить имя также принадлежит мне. Важа Георгиевич ее одобрил и прислал огромный букет роз.

Премьера прошла на ура, как и все последующие спектакли. Народ валил валом, многие впервые в жизни побывали в оперном театре. Конечно, ряд критиков выступили с разгромными статьями, но их называли завистниками и

злопыхателями, не понимающими современных тенденций.

Екатерина Собакина была совсем другой. Если Магдалина Сухоручко пробивалась сама, неважно какими частями тела, то Катьке выход в «высшей свет» обеспечили мама с папой, политики, блин. Богатство, связи плюс собранный компромат на нужных людей давали дочке возможность появляться в роли то телеведущей, то писательницы, то эстрадной певицы, но больше всего она прославилась как художница.

Она нарисовала копию картины Малевича в розовом цвете, что вызвало бурный восторг критиков (или оплаченных, или чем-то обязанных маме с папой) и очень активное обсуждение в Интернете (в другой тональности). Все задавались вопросом: что хотела сказать Собакина? Сама она заявила, что так видит мир. Потом несколько светских львиц повторили ее опыт, выступив с желтым, синим, сиреневым и полосатым квадратами, но Собакина была первой, и слава досталась ей. Ее даже стали называть «Пикассо XXI века». Пикассо с Малевичем, наверное, в гробах переворачивались при каждом упоминании своих имен в одном контексте с Собакиной.

Гениальное произведение выставлялось в Кремле, Госдуме, Совете Федерации. Оригинал общественности не показывали, только фотографии шедевра, хотя многие мои знакомые собирались на вернисаж, чтобы от души поплеваться.

* * *

– Девчонки, как я рада, что вы здесь! – воскликнула Валька-Магдалина, расцеловала нас с Татьяной и с самым серьезным видом пожала руку Пашке. – Хоть кто-то из нормальных людей! Кстати, а что вы здесь делаете? Это сборище же не по твоей части, – она посмотрела на меня. – Или намечается какой-то труп?

Мы пояснили, что один уже есть, насчет других пока не в курсе, но, если Валька-Магдалина про какие-то услышит, пусть сообщит нам. Я в свою очередь поинтересовалась, где Важа Георгиевич и что во Франции делает Сухоручко. Отдыхает, работает, тусуется, рекламирует себя? Или, может, театр сюда прибыл с гастролями?

Оказалось, что Важа Георгиевич во Франции по делам и сегодня никак не мог прийти на вечеринку. А Валька-Магдалина приехала в рекламных целях – поклониться мощам Марии Магдалины. Процесс будет сниматься, а потом демонстрироваться народу.

– Кстати, может, вы подключитесь? Я не знаю, почему Важа вас не пригласил. Я с ним обязательно поговорю.

– Секундочку, – перебила я. – Ты хочешь сказать, что мощи Марии Магдалины находятся во Франции? Как они тут оказались?

Наша компания с большим удивлением узнала от Сухоручко, которая специально изучала этот вопрос, что на протяжении истории появлялось пять (!) мощей Марии Магдалины. Одни якобы находились в Константинополе (изначально в Эфесе), вторые в Риме, разделенные между церквями Святого Иоанна Латеранского и Святой Марии дель Пополо; третьи в Монсеррато, четвертые в Неаполе и пятые во Франции, в аббатстве Святой Марии Магдалины в Везелейе. И это – не говоря про различные отдельные реликвии, например капли крови, собранные Марией Магдалиной у подножия креста, на котором распяли Иисуса, или кусочек лба, которого касался Христос в Гефсиманском саду.

Валька-Магдалина призналась нам, что у нее волосы дыбом вставали, когда она по приказу Важи Георгиевича читала о мощах, к которым ей следовало съездить в рекламных целях. А ведь она изучила далеко не всю литературу, посвященную этой теме. Наверное, десятой части не прочитала! Возможно, в других источниках фигурируют еще какие-то мощи Магдалины. Но ей хватило и пяти, которые она нашла. Результаты исследований она представила спонсору, и он объявил, что они поедут во Францию.

– Девчонки, когда слышите про какие-то мощи, ни в коем случае не тратьте время – если вам такое в голову придет – на то, чтобы стоять в очереди к ним. В Средние века это был очень прибыльный бизнес и с ними такое творили... – Валька-Магдалина закатила глаза.

– А сейчас? – спросила я.

– Вероятно, тоже, – сказала наша знакомая и выразительно на меня посмотрела.

Я замерла на месте. Иван Захарович мог нас сюда послать ради мощей? С другой стороны, зачем они ему? Хотя он никогда не упускает прибыль...

Следовало разобраться. Правда, для начала я поинтересовалась у Вальки-Магдалины, где она вообще добывала информацию. Вроде бы она сказала, что что-то читала. В Интернете? В Публичке? Я, признаться, не могла представить Сухоручко в Публичке, даже зная про ее любовь к чтению, но ведь в здравом уме ее и на оперной сцене тоже не представишь, однако она на нее регулярно вылезает.

Оказалось, что в помощь Вальке-Магдалине был придан преподаватель латыни из университета, чтобы они вместе разобрались с вопросом. Источники на итальянском читал Илья, который в свое время выучил этот язык в силу необходимости. Потом подключили пожилую преподавательницу французского, которую рекомендовал Илья. Работали и в читальных залах, и домой книги приносили, и в Интернете шарили. Интернетом занималась сама Валька.

– Если я тебя правильно поняла, то всю эту исследовательскую работу организовал и оплатил Важа Георгиевич? – уточнила я.

Татьяна слушала с большим интересом. Пашка, судя по виду, страдал по пиву, и я предложила ему пока сходить в кухню или в наши апартаменты и пожить там баночкой-другой. Пашка ушел.

– Организовывала я, – скромно сообщила Сухоручко, – но дал задание и оплачивал Важа.

Мы с Татьяной переглянулись, потом посмотрели на Вальку-Магдалину.

– Ну я же вам сказала, девочки, что думаю, – заявила она. – Юля, как ты считаешь, он меня не подставит?

– Нет, по крайней мере, пока нет. Он вложил в тебя много денег, то есть в проекты, в которых ты фигурируешь. Он получает с тебя дивиденды, и не только в материальном плане. Мне Илья говорил, что прорабатывается вопрос о гастролях в Италии. Это на самом деле так?

Выяснилось, что Важа Георгиевич заказал Илье еще пару опер про Марию Магдалину, и после исследовательской работы Ильи выступил с предложением написать оперы о девах-мученицах, которые считали Марию Магдалину своей покровительницей (как наша Валька). Во всех этих операх у Сухоручко будет большая роль этой самой молчаливой покровительницы, которая постоянно стоит на сцене. Важа Георгиевич проект одобрил, и в настоящее время Илья работал над «Екатериной Сиенской». Это самая знаменитая из женщин, на которых повлияла идея Марии Магдалины. Она тайно дала обет безбрачия в возрасте семи лет (как утверждают источники), а также тайно практиковала бичевание с группой друзей, опять же с раннего возраста. Родители упорно пытались выдать ее замуж, начиная с двенадцати лет, она не менее упорно сопротивлялась. В конце концов ей позволили вступить в доминиканский орден как послушнице. Это если вкратце. Подробности мы сможем узнать, когда придем послушать (а в данном случае и посмотреть) оперу.

Третья опера тоже будет о какой-то итальянке, только Валька-Магдалина не помнила, о какой именно. С этими постановками можно будет ездить на Запад с гастрольями. Более того, у нас блаженные не выбирали Марию Магдалину своей святой покровительницей, как мученицы в западных странах. А Важе Георгиевичу требовалась именно она.

– А он сам какого вероисповедания? – поинтересовалась Татьяна. Мы обе не знали, плакать нам или смеяться.

– Да вроде атеист, – пожала плечами Сухоручко. – Мы, если честно, это никогда не обсуждали. Но судя по практическому подходу...

– Так, давай подробно про мощи, – попросила я. – Что он хочет сделать?

– Не знаю, – вздохнула Валька-Магдалина. – Честно не знаю. Но очень бы хотела выяснить.

Мы попросили рассказать про французскую святыню. Откуда она здесь-то взялась?

По словам Вальки, она сама прочитала (или услышала в пересказе нанятых Важей Георгиевичем людей) несколько версий. Например, в одной утверждалось, что Мария прибыла морем, как и другие святые и апостолы,

которые приезжали во Францию, сошла на берег в Марселе и там стала проповедовать Евангелие. В процессе апостольской работы (а судя по Евангелиям, именно она – первый апостол) святая обратила в христианство язычника, принца Марсельского. По другой версии, она не проповедовала, а уединилась и каялась в грехах. По третьей Магдалина вместе с Лазарем и Марфой бежала из Палестины во время преследования иудеев. Там они стали бы первыми жертвами, как близкие друзья Христа. После долгого путешествия по морю они оказались во Франции. Еще одно, частое объяснение появления мощей во Франции – все возможно для господина, он делает то, что пожелает. Тем, кто сомневался в существовании святыни, рассказывали о божественном наказании, которое выпало на долю предыдущих скептиков.

– Мы нашли множество версий! – воскликнула Сухоручко. – У нас у всех просто волосы дыбом вставали! Самый здравомыслящий человек запутается! Причем кто с ней вместе только не путешествовал! Это и Максимин, и Лазарь с Марфой, и Сидоний, и еще какие-то люди. И чем она только не занималась! И проповедовала, и каялась, и уединялась, и лечила. Но результат всегда один и тот же: мощи во Франции, причем в одном определенном аббатстве, и их туда доставил вполне определенный монах, совершивший героическую «святую кражу».

– Что-что совершил? – воскликнула Татьяна. – А как насчет «не укради»?

Сухоручко рассказала нам поразительные вещи про *furta sacra*, или святые кражи, от которых монастыри и церкви получали огромную выгоду. Священники и монахи, каким-то образом прознав о чудодейственной силе реликвий или просто о чьей-то святости, крали священные артефакты для собственных общин. Кражи происходили с «разрешения» или даже одобрения святых (они являлись монахам и священнослужителям во сне). Затем вскрывались гробницы (естественно, по ночам), собирались кости, и вор возвращался домой. При других обстоятельствах подобное считалось бы грешным делом, совершенным против других христиан, но тут, наоборот, воров делали героями и восхваляли за добродетель. Общины хвалились кражами. Никакого позора в «святой краже» не было, потому что ее целью являлось прославление местной церкви. В особенности этим грешили монастыри в периоды упадка. Мощи помогали выправить финансовое положение.

Мирское значение мощей и различных реликвий оказалось чуть ли не более важным, чем духовное: обладание ими давало церквям, монастырям и

отдельным личностям высокий статус, власть и деньги. Спрос на мощи и реликвии стал удовлетворять развивающийся бизнес. Появились предприниматели, которые продавали украденное или «обнаруженное» тому, кто больше даст.

Вообще христиане собирали мощи, начиная со второго века. Вначале, правда, это были только останки мучеников. Собирали и предметы, которых, как считалось, касались святые. Первыми ими стали интересоваться византийские императоры, в течение пяти столетий собравшие самую большую коллекцию мощей и реликвий в мире. Она рассеялась по всему свету после взятия Константинополя крестоносцами в 1204 году.

– Странно, что люди не задумываются, – сказала я, – о том, что мощи могут оказаться поддельными.

– А ты вспомни нашу соседку с первого этажа, – вдруг сказала Татьяна.

Я тут же поняла, кого она имеет в виду. Мне квартира досталась в наследство от тетки, и я съехала от родителей, а Татьяна гораздо дольше знает ту женщину, которую имела в виду. Мы неоднократно обсуждали ее с другими соседями. Она, можно сказать, помешалась на религиозности, стала разговаривать со всеми в наставительном тоне и, как кажется, воспринимает нас всех как недоразвитых, конечно, погрязших в грехе. Когда-то она была совсем другой, милой и доброй, но не сложилась личная жизнь, она осталась одна, друзей всех растеряла. Но речь сейчас не об этом. Как-то Татьяна удивилась, что эта соседка не знает совершенно никаких городских новостей. Она ответила, что «батюшка запрещает газеты читать». Невольно задумываешься – а почему?

Тем временем Сухоручко продолжала рассказывать нам о том, что творилось в Средние века.

Почитание не останавливало набожных людей от дурного обращения с мощами. Тела эксгумировали, расчленяли и развозили по всей Европе. Это была обычная практика, поскольку считалось, что душа присутствует в каждой части тела, и палец или часть лобной кости святого творит такие же чудеса, как и все тело целиком. Требовалось раздать святыни как можно большему количеству монастырей и, соответственно, получить больше денег.

Мы не успели договорить. К нам подошел Важа Георгиевич.

– Здравствуйте, девочки! – расплылся он в широкой улыбке и облобызал меня, а потом и Татьяну. Тут подошел Пашка, которого Важа лобызать не стал, но руку пожал.

Я решила брать быка за рога. Ну не убьет же меня Важа Георгиевич за вопрос? Тем более с нашим покровителем (хотя и не святым) знаком и уважает...

Я спросила, почему нас с Пашкой не пригласили снимать поклонение Вальки мощам Марии Магдалины.

– Так приезжайте! – как ни в чем не бывало воскликнул Важа Георгиевич. – Откуда ж я мог знать, что вас принесет во Францию?! – Он посмотрел на меня, хитро улыбнулся и добавил: – И мне кажется, что ваша специфика – это свежие трупы, не правда ли?

– Но раз мы тут, мы хотели бы снять вашу Магдалину...

– Мы поедем послезавтра, – объявил Важа Георгиевич и сказал, что нам позвонят, во сколько быть готовыми. – В несколько мест.

– В несколько мест? – переспросила я. – И везде есть мощи Марии Магдалины?

– Везде что-то есть, – кивнул Важа Георгиевич. – Связанное с Марией Магдалиной. Вы можете продумать, что будете там делать – кроме съемки.

– В смысле? – не поняла я.

– Лечиться, получать прощение или освобождаться от бесов. Но если не хотите – не надо.

Валька ошарашенно посмотрела на своего покровителя. Для нее услышанное явно стало новостью.

– Ты будешь освобождаться от бесов, – с самым серьезным видом заявил ей Важа Георгиевич.

– А... как?

– Тебе все расскажут. Ты же знаешь, что я нанимаю на работу только профессионалов?

Я не стала задавать глупых вопросов про договоренности с французами. Я не сомневалась, что Важа Георгиевич, вернее его помощники уже все организовали.

– В Средние века на гробницы с мощами возлагали список своих грехов, и они тут же прощались, – сообщила нам всем начитанная Валька.

– Вот и вы все можете написать и возложить, – кивнул Важа Георгиевич. – Я, правда, не знаю, будет ли там гробница... Но ничего, что-нибудь найдем.

– Я не поняла, мощи Марии Магдалины есть во Франции или их нет во Франции?! – воскликнула Татьяна.

– Была создана легенда, – устало пояснила Сухоручко, – для обогащения монахов Везелея и окрестных земель, которые принимали паломников. В том районе Франции в определенный период истории разбогатели: ведь паломников нужно было где-то селить и кормить. Купцы арендовали торговые места и тоже обогащались. Иностранцы должны были платить налоги за допуск к мощам. Ехали с разных концов света – за прощением грехов, за чудесами, за излечением...

– Но какая-то святыня была? – уточнила я.

– Да, конечно. Потом эти «обнаруженные» мощи разделили на несколько частей. Была очень пышная церемония с участием Людовика IX, его брата, трех сыновей, большой свиты и папского легата. Это был наивный и доверчивый король, но он почитал реликвии, у него имелась большая коллекция, и, кроме того, он очень любил присутствовать при переносе останков святых и совершил несколько паломничеств. Сам король получил значительную часть мощей, но и собственноручно раздал куски собравшимся в церкви. И Везелей, где это происходило, – только одно из мест во Франции, где происходили такие процессы.

– И именно эти мощи можно посмотреть и сейчас? – спросила я.

– А мы тебе о чем толкуем, Юля?! – воскликнул Важа Георгиевич. – Ты же всегда была такая сообразительная девушка. Можно. Только в туристических справочниках о них, как правило, не пишут. Поэтому мои люди сейчас специально занимаются поиском на местах. Точно могу тебе сказать, что рака с головой Марии Магдалины находится в Сен-Максимине. Ее выносят в день почитания святой, целая процессия устраивается. У них это 22 июля.

– В России 4 августа, – вставила Валька-Магдалина.

– Вы не останетесь до того времени? – спросила я у Важи Георгиевича.

– Зачем нам?! Мы в индивидуальном порядке. Мне нужно, чтобы Валя перед телекамерами сделала все, что я ей велел. Но к голове мы не поедem. Адреса вам сообщат, как я уже сказал. Вернее, вам сообщат, когда будет транспорт. Мы за вами заедem. Вас трое, да?

– А не думаете свозить мощи в Россию? – не отставала я.

– Думаю, – кивнул Важа Георгиевич. – Ты же знаешь, Юленька, что я известный меценат. Сейчас уже заканчиваются трехсторонние переговоры между мной, французами и Русской православной церковью. Я собираюсь привезти мощи на своем самолете. Но все должно быть сделано на высшем уровне! – Важа Георгиевич поднял вверх указательный палец и чем-то напомнил мне Жириновского на предвыборном плакате.

Глава 5

Вскоре бизнесмен с возлюбленной отошли от нашей компании, Пашка присосался к пиву, Татьяна все-таки решила выпить немного вина, а я ограничилась минеральной водой. Мы иногда перекидывались словечком с гостями, но явно были не из их кругов. Мое лицо узнавали, мне улыбались, но... Я все понимала и не страдала от того, что не вхожу в «высший свет». Пашке, как и всегда, все было до белой березы. Тем более он знал, что в ближайшие дни

прилетит Андрей из Управления и ему будет с кем выпить. Татьяна вообще к жизни относится философски. В процессе прогулки по парку и наблюдения за гостями (мы все-таки были на работе) мы обсуждали информацию, полученную от Вальки-Магдалины.

Я думала о том, что Сухоручко на самом деле гораздо умнее, чем кажется. Я не считала ее дурой с первого дня знакомства, потому что мое сознание не затуманивал вид ее роскошного тела (как происходит с мужиками), но все-таки я не ожидала, что она сможет не только собрать такую информацию, но и, главное, очень внятно ее изложить. И сколько всего она еще не сказала!

– Итак, что мы имеем? – заговорила Татьяна. – Меценат и вроде атеист Важа Георгиевич собрался везти мощи христианской святой в Россию. Вопрос: зачем? Он никакой другой благотворительностью не мог заняться? Или это не благотворительность, и он будет иметь свой процент с пожертвований? Ведь, как я понимаю, во время поклонения принято жертвовать.

– Он же раскручивает свою Магдалину, – заметил Пашка. – Все логично. Зачем везти мощи, например, Иоанна Крестителя, если имеются мощи святой покровительницы нашей оперной певицы?

– Но только что в самолете редким средневековым ядом отравили специалиста по «черному» антиквариату, – напомнила я.

– Ты считаешь, что специалисты по «черному» антиквариату занимаются и мощами? – уточнила Татьяна.

– А почему бы и нет? Я просто не изучала этот вопрос.

– А кому они нужны? – подал голос Пашка. – Или теперь и у нас начались «святые кражи» по заказу церкви?

– Это навряд ли, – высказала свое мнение я. – Но могла пойти мода у наших богачей. Дворцы себе уже все построили, самолетов и яхт накупили, как и ваз, шкатулок, колье. Золотым унитазом никого не удивишь. Нужно что-то еще. Что-то новенькое. А если у нас пошла мода на собирание мощей? Мы не из «высшего света» и просто про это не знаем. А сейчас вполне уже могут действовать агенты, как в Средние века, добывающие мощи для наших богатеньких Буратин,

которые потом друг перед другом выпендриваются.

Татьяна спросила:

– Ивана Захаровича могли заинтересовать мощи?

– Если с них на самом деле можно получить деньги, – сказал Пашка. – В наше время, в России.

– Большие деньги, – поправила я. – Не забывайте про его объемы и имперское мышление. Он не будет мелочиться. Меня интересует, знал ли он про планы Важи Георгиевича.

Я сказала себе, что теперь должна держать в голове не только дело антиквара, но и дело о мощах. Или это одно и то же?

Я предложила друзьям выбрать среди гостей человека, к которому мы могли бы обратиться за консультацией насчет модных тенденций в кругах богатых людей. Мы стали оглядываться по сторонам, и мой взгляд упал на олигарха, который после нашего появления в парке объяснил нам причину драки Сухоручко и Собакиной. Он как раз стоял один с бутылкой вина и попивал прямо из горлышка.

Мы напрямиком направились к нему.

– Добрый вечер. Можно обратиться за консультацией? – спросила я.

Олигарх уже довольно прилично нализался, обвел нас туманным взглядом, заметил камеру у Пашки на плече, велел выключить. Ему ответили, что она и так не включена, что соответствовало действительности. Тогда олигарх уточнил у Пашки, где тот взял пиво. Пашка пояснил и обещал проводить. Тогда олигарх повернулся ко мне и заявил, что не понимает причин моего присутствия на данном мероприятии.

– Или мы ждем труп? – он прищурился, покачнулся и икнул.

– Вы считаете, что я появляюсь только там, где трупы?

– Да, – со всей серьезностью кивнул импозантный мужчина. – А разве нет? Я знаю, что вы по вечерам по телевизору людям рассказываете про то, кого, как и где убили, на кого покушались...

– Мне очень приятно, что вы смотрите мои передачи и наш канал. Не зря наш медиамагнат на общероссийский рынок прорывался, раз нас смотрят такие люди, как вы.

– Я не смотрю телевизор, – сказал олигарх. – Мне некогда.

– А откуда же, простите...

– Телевизор смотрят мои подчиненные, а потом я в записи просматриваю то, что они выберут. Но часто и выборки не смотрю, а только читаю составленные ими справки. А вас я сегодня все утро смотрел. Мой начальник охраны предупредил меня о вашем появлении на Лазурном Берегу и посоветовал держаться от вас подальше. Но я понимаю: это ваша работа. Только меня не снимайте, ладно? Терпеть не могу видеть себя в телевизоре и на газетных снимках.

– Почему? – удивилась я.

– Я на них плохо выгляжу, – с самым серьезным видом ответил олигарх.

– Не скажите, – вставила Татьяна. – Вы выглядите серьезным представительным мужчиной. Вы очень хорошо говорите, здраво рассуждаете.

Олигарх внимательно осмотрел Татьяну, раздевая глазами.

– Какие у вас роскошные волосы, – заметил олигарх.

– Я и сама ничего, – сказала Татьяна. Олигарх поперхнулся.

– Съемка зависит от оператора, – тем временем пояснял Пашка. – Одного и того же человека можно снять совершенно по-разному. Могу показать на вашем примере.

– Не надо! – поднял руку олигарх ладонью к нам. – Не хочу!

В этот момент он напомнил мне капризного ребенка.

– Так что вас интересует, если не трупы? – посмотрел олигарх на меня, правда, одним глазом продолжал косить на Татьяну.

– Мощи, – ответила я.

Олигарх как раз сделал очередной глоток вина, и тут оно у него фонтаном вылетело изо рта, хорошо не на нас, а на появившуюся словно из ниоткуда длинноногую модель, которая явно имела виды на олигарха. Вероятно, она подошла выяснить, не собираемся ли мы его приватизировать.

– Пошла вон! – рявкнул олигарх на модель, та тоже заорала: ей было жалко платье. К нам стал подтягиваться народ, который явно заскучал без скандалов.

Появилась Екатерина Собакина, которая уже успела поправить прическу и макияж, хотя из-под наложенного тонального крема, если приглядеться, проглядывали следы Валькиных ногтей. Да и, пожалуй, с головой ей в ближайшее время придется что-то делать. Молодец Магдалина! Сколько выдрала художнице, да еще в разных местах.

– И о чем это, интересно, криминальный репортер разговаривает с известным олигархом? – подленьким голоском поинтересовалась Катька Собакина. – Вроде бы у вас не должно быть никаких общих тем для обсуждения. Владимир Павлович – серьезный бизнесмен, работающий по-белому...

– Я – не налоговая инспекция, – произнесла я ледяным тоном. – И уход от налогов никогда не был темой моих репортажей.

– Ну, тогда, может, мы все вместе обсудим какую-то интересную тему, волнующую всех? – елейно продолжала Собакина, глядя на меня. Вероятно, она видела нашу милую и долгую беседу с Валькой-Магдалиной и выяснила, что мы дружим, а значит, я принадлежу к враждебному лагерю.

– Давайте, – сказала я. – Паша, включай камеру. Итак, уважаемая Екатерина, что вы можете сказать о поклонении святым мощам? Вы ездили в какой-нибудь монастырь замаливать грехи? Или, может, окунались в святой источник для изгнания бесов и заодно омоложения кожи?

Выражение лица у Собакиной резко изменилось. Я же заливалась соловьем. У меня в этом деле большой опыт, и вопросы с подковыркой я могу задать кому угодно, а эта девица, как я поняла, большим интеллектом не блистала. Народ в собравшейся толпе стал похихикивать.

– Ну, Катька, молилась ты мощам или не молилась? Отвечай! – рявкнул дядька, который недавно требовал прекратить теологический спор между нею и Валькой-Магдалиной. – И вообще, бабы, вы драться будете или как?

Катькина физиономия исказилась, она плюнула в ярости, развернулась и ушла. Ее прихвостни побежали за ней. Толпа стала рассасываться, и вскоре наша компания осталась с олигархом и... Пашкиным соседом по самолетному креслу. На этот раз мужчина был в светло-бежевом костюме и черной рубашке. Костюм сидел идеально, от мужчины исключительно приятно пахло.

– Добрый вечер, – поздоровался он. – Меня зовут Олег Белохвостиков.

Мужчины пожали руки, мы с Татьяной просто кивнули и назвали себя.

– Вас интересуют мощи? – спросил Олег.

– Нет, – ответила я. – Меня интересует, собирают ли мощи современные богатые люди. Пошла такая мода или нет?

Я посмотрела на олигарха, потом на Олега.

– Впервые слышу, – сказал олигарх. – Я бы точно знал. И уже имел. Некоторые ездят куда-то поклоняться, но немногие... И скорее чиновники с депутатами, а не бизнесмены.

Я опять повернулась к Олегу.

- Нет, - тоже сказал он. - А почему у вас вообще возник такой вопрос?

- Работа, - уклончиво ответила я.

Разговор быстро перешел на отвлеченные темы, все нашли общих знакомых, потом со стороны пляжа слышались аплодисменты.

- Что там еще?! - воскликнул олигарх.

- Насколько я знаю, на катере должен был приплыть Артур Небосклонов и петь на воде, - сообщил Олег, на пальце которого, как и в самолете, поблескивал рубин. Мы с Татьяной и Пашка, не сговариваясь, старались держаться подальше от его левой руки.

- Нет! - застонали мы втроем. - Только не он!

- Вы его хорошо знаете? - уточнил олигарх.

- Даже слишком, - вздохнула я. - И боюсь, при виде меня он петь точно не сможет, даже открывать рот под фонограмму.

- Тогда пойдем обязательно! - воскликнул Олег и подхватил меня под руку. - Своим появлением вы спасете многих людей.

Нам ничего не оставалось, как тронуться в направлении берега. Я радовалась, что Олег держит меня правой рукой. С другой стороны от меня шла Татьяна. Рядом с ней пристроился олигарх, который теперь внимательно осматривал Татьянину грудь и вроде бы даже норовил к ней прижаться. Олигарх снова сказал про роскошные Татьянины волосы. И когда же у меня-то отрастут косы?! Пашка следовал позади всех, зачехлив камеру.

Внезапно из-за кустов выскочила фигура, и я даже не успела разобрать, мужчина это или женщина.

Нам в лица пустили струю газа.

Глава 6

И теперь мы с Татьяной стояли на берегу, среди валунов, и смотрели на мертвое тело Олега. С моей помощью Татьяна тоже все вспомнила – кроме того, как мы оказались здесь. Но это и простительно – мы тогда пребывали без сознания.

– Интересно, где олигарх, – сказала Татьяна.

Меня же больше всего интересовало, где Пашка и вообще где мы. Может, забрали только нас троих – Татьяну, Олега и меня? Но куда? И что нас троих связывает? И неужели никто не видел, как нас куда-то уносили? Хотя тогда народ потянулся встречать супермегазвезду Артура Небосклонова, подплывавшего на катере. Рядом с нами в парке никого не было.

А если кто-то и заметил, как нас уносят? Или вообще кого-то уносят? Наверное, не обратил бы особого внимания. Ну напились люди... Вон Катька Собакина на дне рождения одного известного политика грохнулась в обморок, и ничего. Охрана политика ее куда-то унесла, а на следующий день она снова появилась на какой-то тусовке. Тот день рождения снимала наша «Светская хроника», правда, комментариев о причине обморока журналистам получить не удалось.

Но хозяин дома, Василий Степанович, должен был заинтересоваться нашим отсутствием... Или он решил, что мы с Татьяной нашли себе мужиков и с ними удалились? Вот если мы не появимся пару дней и еще прилетит Андрей из Управления, который точно знает, что мы не можем загулять, не дав о себе знать никому из знакомых... Наши мобильные остались в апартаментах, мы не ждали ни от кого звонков... даже сумочки с собой не брали. Зачем, если мы просто спустились в парк на вечеринку? Нам не требовались деньги, камера была у Пашки в руках. А вон оно как повернулось...

– На роль негодяя, по-моему, подходит Важа Георгиевич, – заметила Татьяна. – Мы узнали про его интерес к мощам и...

Татьяна замолчала. Я считала, что его интерес, причем серьезный, возник не просто так, – раз Вальке-Магдалине с кучей помощников-специалистов было дано задание провести исследовательскую работу.

Поверим на слово олигарху и покойному Олегу. Нашим богатеям мощи не нужны или пока не нужны. Может, Важа Георгиевич станет автором новомодной тенденции. Но он собрался выделить свой личный самолет на «меценатство». В свое время Иван Захарович говорил мне, что Важа Георгиевич – человек очень расчетливый и продумывает все свои действия на много ходов вперед, как и мой покровитель. Станет ли он тратить немалые деньги на организацию доставки мощей в Россию, если это не принесет прибыли? Никогда в жизни. Реклама рекламой, пиар пиаром, но должен быть и экономический интерес.

Вопрос – какой? Раскрутка Вальки-Магдалины? Так она и так раскручена, под нее уже новые оперы пишутся. Нет, Валька сыграла роль только в выборе конкретных мощей. Процент от церкви за предоставление реликвий? А сколько это может реально дать? Стоят все организационные расходы этих процентов или нет? Ведь Важа Георгиевич берется только за крупные дела и мыслит масштабно. Хотя если святыню повезут по всем крупным городам России...

И не за этим ли нас сюда посылал Иван Захарович? Не для того ли, чтобы провентилировать вопрос с мощами? Он мог услышать звон – и у него тут же возник интерес к сфере деятельности, которой он раньше никогда не занимался. С Важей Георгиевичем он знаком, но друзьями их никак не назовешь. А я знакома с Валькой-Магдалиной. Иван Захарович подозревал, что мы здесь встретимся, или просто попросил «Монте-Кристо» эту встречу организовать. Валька разболтала про мощи...

А ведь нас с Пашкой не позвали на съемку... Важа Георгиевич пригласил нас только тогда, когда уже стало не отвертеться. В случае ответа у меня точно возник бы повышенный интерес, и Важа это понимал.

И еще убитый в самолете антиквар... Из-за мощей?

Или это только какое-то прикрытие истинного интереса?

– Что думаешь? – прервала поток моих размышлений Татьяна.

– Думаю, что в частном самолете Важи Георгиевича вместе с мощами будет находиться что-то еще. Таможня, наверное, не будет проверять, только поверхностно посмотрит. В особенности в связи с помпой, которую должен организовать Важа Георгиевич. Вопрос – что он повезет?

– Наркоту, наверное, – пожала плечами Татьяна. – Мощи в чем возят?

– В зависимости от размера, наверное. В раке. Но стоит ли игра свеч? Расходы на самолет, на рекламу, а если это рака, то не так много порошка можно засыпать.

– А если он таким образом новый канал поставок откроет? Это – первая ласточка. А если что, можно все на средневековых дельцов свалить. Выдать прессе всю информацию, которую нам Валька-Магдалина сообщила – про специальных агентов, которые их добывали, про «обнаружение» тел святых... И остаться белым и пушистым.

– Все равно, по-моему, экономически невыгодно, – заметила я. – Но это нужно сообщить Ивану Захаровичу, пусть он со своими соратниками просчитывает. Нам было велено держать глаза и уши открытыми, мы и держим. Только вот нужно как можно скорее добраться до средств связи.

Я предложила трогаться в направлении особняка. Татьяна тем временем оглядывала забор, у которого мы стояли.

– Юля, по-моему, такой же был у Василия Степановича, – заметила подруга. – Или похожий?

– И что?

– А если мы у его соседа? Вспоминай, что он говорил про соседа.

– Француз какой-то. Винодел. Виноторговец. Василий Степанович с ним не дружит, но вино покупает.

– Ты забор помнишь? Он или нет?!

Я пожала плечами. Я не могла сказать точно. Вроде похож. С другой стороны, кто знает?! Из парка Василия Степановича мы видели у соседей лишь деревья.

При приближении к зданию мы не заметили никаких особых вычурностей. Красивый каменный трехэтажный дом, без башенок, без куполов, правда,

украшенный лепниной. В сад выходило две двери – в центре, явно парадное крыльцо, и сбоку, скорее всего, дверь для прислуги.

– В какую пойдём? – посмотрела на меня Татьяна.

– В центральную, – ответила я. – Мы не крадемся и не скрываемся. Мы идем в открытую и просим помощи. И вообще, мы же законопослушные гражданки, ты разве забыла?

– Только под покровительством отечественной мафии, – хмыкнула Татьяна. – Как я выгляжу?

Если учесть ночь в беседке, то Татьяна выглядела очень даже неплохо, в особенности после того, как распустила волосы. Только ими одними можно привлечь мужиков. Французы вообще должны штабелями ложиться. Я таких волос, как у Татьяны, ни у одной француженки не видела.

– И ты, как всегда, прекрасна, – улыбнулась мне подруга.

Звонка на стеклянных дверях мы не нашли. Заглянув внутрь, никого не увидели. Постучав, не получили ответа. В результате мы просто вошли в незапертую дверь.

В холле никого не было – ни людей, ни статуй, как, впрочем, и огромных напольных ваз, картин, ковров, позолоты. Все было строго и стильно. Стены выкрашены в светло-серый цвет, пол серый, мраморный. У двух противоположных стен стояли диванчики и журнальные столики. И все. Мне лично этот холл чем-то напомнил гостиничный.

– Куда теперь? – спросила Татьяна.

– Пошли осматривать дом, – пожала плечами я. – Должен же кто-то найтись?

Коридор первого этажа оказался пуст. Никаких статуй! Никаких картин! Мы нашли огромную кухню, но постеснялись пока прикладываться к кушаньям, хотя гигантский холодильник-шкаф манил к себе. Рядом с кухней находился огромный зал с двумя каминами в стиле рыцарских замков. Здесь точно могло

бы пировать два боевых отряда рыцарей – хозяйский и его союзника. Мебель здесь была старинная, пол каменный, плиточный, на стенах висела коллекция оружия.

Все остальные помещения на первом этаже были подсобными, туалет современным, без изысков.

Мы отправились на второй этаж. Кабинет, еще кабинет, пустая спальня. Раскрыв дверь в четвертую комнату, мы с Татьяной замерли на пороге. Это была или гостиная, или переговорная. Вокруг невысокого, но довольно большого стола стояло восемь кресел. В двух сидели мужчины с чашками кофе в руках и смотрели в сторону двери.

– Доброе утро, – сказала я по-русски.

Ответ прозвучал на французском языке, которого я не знаю, но «Бонжур, мадам» понять в состоянии. Татьяна тоже поздоровалась и сообщила, что мы говорим только на английском и на русском.

– О, русские женщины! – воскликнул более старший мужчина на английском, вскочил из-за стола и стал выдвигать нам кресла. Второй тоже встал.

Старшему было явно около шестидесяти, но, подозреваю, он бегал трусцой по утрам, плавал в своем бассейне и занимался в спортклубе. Может, еще играл в гольф и теннис. На нем были летние бежевые брюки, белая рубашка с коротким рукавом и белые мокасины. Волосы он красил в светло-русый цвет, карие глаза казались слишком яркими, чтобы быть натуральными – явно линзы. Второму мужчине я дала бы лет тридцать семь – тридцать восемь. В нем чувствовалась военная выправка. Тело было поджарым, взгляд серых глаз жестким. В коротко подстриженных волосах и усах я заметила немало седины.

– Хотите кофе, дамы? – спросил нас старший мужчина. – Вы же, как я понимаю, еще не завтракали.

Мы не успели ответить. Наши с Татьяной взгляды упали на стену, к которой мы изначально, после входа в комнату, поворачивались спиной. На ней работало несколько экранов. На каждом изображался или какой-то участок территории, или какие-то помещения в доме.

Труп лежал у валунов. В парке так никого и не появилось. В одной из спален, на огромной кровати, украшенной каким-то гербом, лежали двое – из-под одеяла торчали две головы. Я встала с кресла, в которое уже опустилась, и подошла поближе к экрану. Меня никто не останавливал. Все молчали.

С двух сторон кровати стояли тумбочки. На каждой аккуратной стопочкой была сложена одежда. Перед кроватью стояла обувь. На каждой тумбочке также стояло по почти пустой бутылке виски. На тумбочке справа рядом с бутылкой также красовалась зачехленная камера.

– Это ваши мужчины? – уточнил француз у меня за спиной.

Я была в шоке и не смогла ответить сразу же.

– Этого не может быть, – произнесла Татьяна по-русски.

На кровати, хотя и в разных ее концах и не в обнимку друг с другом, спали наш друг оператор Пашка и не любимый нами певец Артур Небосклонов.

Мы с Татьяной посмотрели друг на друга.

– По крайней мере, он с нами и жив, – сказала Татьяна. Естественно, она имела в виду Пашку.

– Дамы, может, вы присядете и мы обсудим, как вы все оказались в моем доме? – произнес за нашими спинами француз.

– Мы очень хотели бы это узнать, – ответила я.

Коротко стриженный тип резко вскинул голову и впервые заговорил.

– Вы не помните, как здесь оказались? – уточнил он.

Мы покачали головами.

– Дамы, я забыл представиться, – снова заговорил старший француз. – Меня зовут Реми де Ламот Валуа. Граф де Ламот Валуа. Хозяин этого дома.

Фамилия показалась мне чем-то знакомой, но я не могла вспомнить, где ее слышала. Напрягать память не стала – не до этого.

– А это мой помощник – Жорж Фуко.

Жорж встал и поклонился. Мы с Татьяной назвали свои имена.

– Юлья? – переспросил граф. – Как это по-французски?

– Не знаю, – сказала я. – Я – русская, и у меня русское имя. Вернее, я предпочитаю, чтобы мое имя произносили в русском варианте. В английском это Джулия.

– А, Жюли! Но пусть будет Юлья!

В общем, мы стали Юлья и Танья.

– Я видел вас вчера по телевизору, – вдруг сказал Жорж Фуко и что-то стал быстро говорить на французском своему патрону. Тот слушал исключительно внимательно, время от времени бросая на меня задумчивые и заинтересованные взгляды.

– Вы журналистка? – наконец спросил хозяин дома.

Я кивнула. Он с вопросительным выражением лица повернулся к Татьяне. Она представилась моей подругой и добавила, что в кровати спит мой оператор, с которым мы вместе прибыли во Францию. К другому мужчине мы не имеем отношения и предпочли бы никогда в жизни его не видеть и не слышать. Не слышать даже больше.

Пришлось пояснять, кто такой Артур Небосклонов, слава которого еще не достигла международного уровня. Французы даже не подозревают, как им повезло.

Нас внимательно выслушали.

– А ваш оператор... – заговорил хозяин дома и бросил многозначительный взгляд на экран. Пашка и Артур продолжали спать.

– Нет, нет и нет, – сказала я. – И я могу с уверенностью утверждать, что в той постели он оказался не сам. Его туда уложили, – быстро добавила я.

– Но он выпил виски из моего бара...

– Он не пьет виски. Он пьет пиво и иногда дешевую водку. Когда пьяный, он никогда не раздевается. Он будет спать одетый, если его не разденет кто-то еще. И он никогда – ни пьяный, ни трезвый – не складывает аккуратно свою одежду. Он не мог этого сделать сам, потому что такого не могло произойти в принципе. Я повторяю: мы не знаем, как здесь оказались, и очень хотели бы узнать. Если у вас постоянно ведется запись, нельзя ли нам просмотреть соответствующие места? Кстати, мы будем благодарны, если вы вызовете полицию. Мы бы хотели, чтобы у нас взяли кровь на анализ.

Хозяин дома с помощником удивленно переглянулись, потом уставились на меня.

– Вы – первая русская, которая хочет, чтобы мы вызвали полицию, – пораженно произнес Жорж, который, вероятно, был или личным телохранителем, или начальником охраны.

– А что, мы не первые русские, которые у вас тут оказались? – уточнила я.

Оба мужчины усмехнулись.

– А записи можно будет посмотреть? – не отставала я. – И скопировать?

– Она – известная в Петербурге журналистка, – вставила Татьяна.

Нам сообщили, что репортаж из самолета показали и во Франции, конечно, с переводом, но лицо было мое. Значит, наш медиамагнат подсуетился и продал съемку. Интересно, мне отстегнет валютки или зажилит все?

- Вы приехали сюда работать? - поинтересовался Жорж.

- Да, - сказала я. - И вероятно, кому-то не угодили. Кстати, где мы находимся?

Выяснилось, что мы в доме соседа Василия Степановича. Слава богу, недалеко, пешком дойдем, а то без денег как-то некомфортно. Но как мы сюда попали?!

Тем временем граф де Ламот Валуа поведал нам, что, оказавшись в окружении русских, решил поставить большой забор. С другой стороны раньше жил один олигарх, теперь, после того, как олигарх взорвался вместе с яхтой, живут его многочисленные родственники, которые делят наследство.

- Вам мешает шум, который возникает при дележе? - уточнила я.

- Нет, мне мешают трупы родственников.

Мы с Татьяной замерли на месте.

- То есть вы хотите сказать, что они убивают друг друга и трупы скидывают вам?

- Судя по всему, все именно так и есть, - грустно сообщил граф. - Два приплыли ко мне. То есть так соседи говорили. Я в это не верю. Как они могли сами ко мне приплыть? Но теперь трупы стали сбрасывать и с другой стороны. И вот вас, живых, подкинули. Вы совсем ничего не помните?

Я пояснила, что нам прыснули в лицо какой-то гадостью. И ощущения с утра как раз такие, какие должны быть после прысканья - у меня это не в первый раз. Но как нас сюда доставили, мы не помним. Мы были без сознания и проснулись сегодня утром.

- Кофе будете? - опять предложил граф.

- Чай, - попросила я.

Дама лет пятидесяти в накрахмаленном фартуке и неком подобии чепчика подала апельсиновый сок, горячие круассаны, джем, сыр и чай. Мы с Татьяной

были рады всему.

Тем временем Жорж Фуко поведал нам, что его патрон обращался в одну известную швейцарскую фирму, которая установила ему на заборах датчики. Экраны, запись – это тоже все сделали швейцарцы. Они гарантировали, что их аппаратура будет работать в любых условиях, но сегодня ночью, именно тогда, когда на территорию графа де Ламота Валуа доставили всех нас, хваленая швейцарская аппаратура дала сбой. Никаких сигналов на пульт не поступило, сирена не выла, запись временно прекратилась. Ночью на это не обратили внимания, а утром, во время плановой проверки, которая в доме графа проводится каждое утро после появления русских соседей, обнаружили всех нас. Раньше приходилось делать обход территории. Но еще никогда никто не оказывался в спальне графа.

– То есть постоянно на мониторы у вас никто не смотрит? – уточнила я.

– Нам сказали, что датчики подадут сигнал, – пояснил Жорж. – Должны были проснуться садовники, ну и вообще все. Хотите, включим сирену? Вы послушаете, как она звенит. Здесь можно – здесь соседи только русские. При французских соседях мы бы не решились включить ее просто так.

Мы хотели.

С такой сиреной на самом деле должен был проснуться весь дом и все окрестные, и мы с Татьяной тоже. Не проснулись только Пашка с Артуром Небосклоновым. Но, может, на них газ по-другому подействовал? Пашка только потянулся во сне и перевернулся на другой бок. Ну да, оператора после вчерашнего могу поднять только я. Его точно никакой сиреной не разбудишь. Видимо, и Небосклонова тоже. Он вообще привычен к громким звукам.

Нам пояснили, что граф вернулся только сегодня утром – у него есть деловые интересы в разных частях Франции и за границей – и тут же получил сообщение от прислуги, которая не представляла, что делать со всеми нами. Реми де Ламот Валуа вместе с помощником Жоржем просмотрели запись, сделанную после того, как камеры начали снова работать, а потом следили за нашим пробуждением, прогулкой по парку и осмотром тела.

– Вы знаете мертвеца? – спросил Жорж.

– Мы были с ним знакомы, – кивнула Татьяна. – Хотя и совсем недолго.

– Мы знаем, как он нам представлялся, – поправила я. – Он летел с нами в самолете, а вчера был в гостях у нашего хозяина, вашего соседа. Газ на нас на всех направили одновременно. Но у нас с ним нет никаких общих дел и интересов. Звоните в полицию.

– Вы согласитесь дать показания в суде? – посмотрел на меня граф.

– В каком?

– Против швейцарской фирмы, естественно! Я же буду требовать с них неустойку! Ваши – десять процентов.

Мы с Татьяной кивнули. Пусть лучше граф будет на нашей стороне. Чем больше у тебя помощников, тем легче работать журналисту.

Глава 7

Потом прибыл уже знакомый нам с Татьяной комиссар Дидье в сопровождении группы помощников и нашего большого друга Андрюши, приданного в помощь французской полиции. С Андрюшей мы долго лобызались, а потом пошли будить Пашку под зорким оком французов. И хозяин дома, и представители полиции с большим интересом смотрели, как я за пятнадцать минут превращаю Пашку из ничего не соображающего тела в здравомыслящего оператора, полностью готового к работе. Мне даже удалось сорвать аплодисменты.

– А второго? – спросил комиссар Дидье.

– Это уж вы сами или ждите, когда очнется.

– Если не очнется, тоже ничего страшного, – добавил Андрюша и вкратце пояснил, что собой представляет супермегазвезда и каких пакостей от него можно ждать. После выступления русского коллеги французы согласились, что

для всех лучше дать Артуру еще поспать.

Пашка прихватил камеру (нам разрешили снимать), и все отправились к покойнику, которого мы знали как Олега Белохвостикова.

Когда труп перевернули, выяснилось, что мы не можем его опознать – от лица осталось одно кровавое месиво.

Мы объяснили, что опознали его по перстню и костюму, в котором видели вчера. Ни про какие родинки, шрамы или другие особые приметы на теле мы ничего сказать не могли. Но ведь есть наша запись из салона самолета, и он покупал билет, для чего требуется предъявлять паспорт, известно место, на котором он летел во Францию, значит, личность можно установить.

Потом мы очень мило распрощались с графом, нам с Татьяной он поцеловал ручки, Пашке пожал руку и спросил, не согласимся ли мы как-нибудь пожаловать к нему на ужин. Мы ответили, что с большой радостью. Когда еще удастся побывать в гостях у настоящего французского графа, причем добровольно и по его собственному приглашению, а не по принуждению?

Мы собрались покинуть особняк (выходя так, как обычно в него входят и выходят), но тут в холле возник растрепанный Артур Небосклонов, который явно только что проснулся. Супермегазвезда была в черных замшевых трусах со стразами. На ногах – странная обувь, тоже со стразами. Красные вьетнамки с пяткой – наиболее близкое определение. В них можно было прекрасно рассмотреть педикюр. Даже без объяснений Андрюши собравшиеся по одному одеянию составили бы вполне определенное мнение о Небосклонове.

Конечно, первой он заметил меня.

– Это опять ваши происки, Юлия Владиславовна?! – завизжала супермегазвезда. Андрюша стал быстро переводить вопли русского певца на английский французам, поскольку их родной язык знал в тех же объемах, что и мы с Татьяной.

– Ты еще скажи, что она опять тебя домогается! – рявкнула Татьяна, вставив руки в бока.

Пашка молниеносно расчехлил камеру и стал снимать. Выходки Артура Небосклонова пользуются бешеной популярностью у граждан обоего пола и всех возрастов, как и его пение у молодых девушек и женщин. Коллеги будут нам благодарны за съемку.

– Да я предпочел бы вас всех никогда не видеть! – взвизгнула супермегазвезда и топнула ножкой. Раздался странный писк. «Вьетнамки» оказались еще и говорящими при притоптывании. Как далеко зашел технический прогресс! – Почему я везде вас встречаю? Почему я приезжаю во Францию и вижу вас? От вас нигде не скрыться! И где мой продюсер? И где мой парикмахер? Где мой стилист? Почему я проснулся в неизвестной постели? Мне никто не подал кофе! Мне никто не принес стакан сока! Я был сам вынужден бродить по этим катакомбам, пока не нашел какую-то тетку, которая не говорит по-русски! Я спросил у нее, кто будет заниматься моей прической. Я спросил у нее, кто будет подавать мне завтрак. Я спросил, почему мне не подали сегодня свежее белье! Эти трусы стоят пятнадцать тысяч долларов, и я надеваю их только на концерты в жарком климате! Их нужно беречь! Это – эксклюзивная модель со стразами от...

– Короче нельзя? – рявкнула Татьяна, которая, как я подозревала, уже приглядывает в холле графа что-нибудь тяжелое.

– Она говорила на неизвестном языке! Но дала мне попить воды... Я хочу есть! – всхлипнул Артур. Подобные перепады для него были обычным делом, и нас несколько не удивили, правда, французы смотрели на этого типа ошарашенно. Может, их поразила цена трусов? Интересно, почему они у олигархов?

Артур высокого роста и отличается смазливой внешностью, которая привлекает многих женщин. А поскольку по всем внешним признакам он – мужчина, причем довольно крупный, очень странно видеть, как он пускает сопли. На публике он, конечно, этого не делает, там он ведет себя так, как надо, и его обычно окружает свита, которая подсказывает, какие слова произнести и как и что сделать. Артур очень хорошо знает, с какой стороны его кусок хлеба намазан маслом, и поэтому выполняет все очень четко. Но сейчас ни продюсера, ни свиты не было, и на свое спасение он мог рассчитывать, только обратившись за помощью к нам.

– Юлия Владиславовна, где я? Юлия Владиславовна, я ничего не помню! На тумбочке у кровати стояла бутылка виски, но я пью вино и ликер! Я не пью эту

сивуху!

Французы тихо переговаривались и не отводили взгляда от Артура, его трусов и обуви. Потом комиссар Дидье что-то тихо спросил у Андрюши, тот в свою очередь повернулся ко мне.

- Комиссар интересуется, Артур - наркоман?

- Нет, просто придурок, - вместо меня ответила Татьяна. Артур тут же судорожно закивал. У комиссара открылся рот.

Я предложила французам послушать песни Артура с переводчиком. Это будет ответом на вопрос, кто есть Артур.

- Хотите, я спою вам свой последний хит? - оживился Небосклонов и воспрянул прямо на глазах. - Музыки, правда, нет, но я могу и так. Эта песня посвящена юной лесной нимфе, которая влюбляется в известного политика. Она помогает ему проводить предвыборную кампанию: творит волшебство, и избиратели, подвергнувшиеся ее чарам, голосуют за него. Но он оказывается плохим человеком, отвергает любовь нимфы, хотя принимал ее бескорыстную помощь, и возвращается в семью. Несчастливая девушка в свою очередь возвращается в лес и дает обещание лесному богу больше никогда не заниматься политикой.

- Артур, тебя какая-то партия наняла для оказания помощи в предвыборной кампании? - спросила я, быстро придя в себя. Но я-то знала содержание предыдущих хитов.

- Нет, я просто взрослею, - молвил Небосклонов. Глаза у французов стали круглые-круглые.

- И в чем проявляется ваше взросление? - с непроницаемым лицом спросил Андрюша.

- В интересе к политике, - заявил Артур так, словно выступал перед поклонниками. Правда, камера работала. Вероятно, речь была заучена по настоянию продюсера. - Я не могу оставаться в стороне от того, что происходит в стране. Я с гастрольями езжу по разным городам и вижу, как живут люди. У

меня болит душа, и я считаю, что должен сделать свой вклад в процветание России.

В процессе речи натренированный специально нанятыми людьми Артур выставил правую ногу вперед, простер правую руку (плавным, отрепетированным движением), потом пустил слезу.

– Артур, что ты помнишь из вчерашнего? – спросила я, пытаюсь вернуть супермегазвезду с небес на грешную землю.

– Да, где вы проводили вчерашний вечер? – подключился комиссар Дидье.

Как раз в этот момент появилась спецгруппа с черным пластиковым мешком, в котором несли тело. Видимо, только что прибыла машина, чтобы его забрать.

– Это труп? – спросил Артур.

Комиссар Дидье подал знак, чтобы двое мужчин с мешком остановились, и заявил Небосклонову, что он просит его посмотреть на тело. Может, он его опознает.

Опознания не произошло. Артур грохнулся в обморок. Хорошо, что не на мраморный пол – мы с Татьяной его подхватили, потому что ожидали чего-то подобного, а потом и французские мужчины подскочили и забрали ношу из хрупких женских рук.

Артура уложили на один из диванчиков, граф позвал прислугу, а французский патологоанатом попытался оказать помощь русской супермегазвезде. Но Артур никак не приходил в сознание.

– Давайте я попробую, – предложила я.

Поскольку французы видели успех моих манипуляций с Пашкой, то тут же расступились. С Артуром, правда, я действовала другими методами. Разочек сильно шлепнув его по щекам, я рывкнула:

– Тебе снится Смирнова! Тебя сейчас изнасилует Смирнова! Просыпайся, или...

Артур резко сел и стал оглядываться вокруг, при виде меня сжался в комочек и начал на заднице отпрыгивать назад по дивану, но очень неловко. В результате Небосклонов свалился на пол и окончательно пришел в себя. Пашка все заснял.

- Он всегда такой? Или играет? - тихо спросил комиссар Дидье у Андрея.

- Бывает хуже, - ответил приятель. Мы с Татьяной кивнули.

- Артур, почему ты лишился чувств? - спросила я голосом ласковой мамы. - Тебе стало страшно при виде изуродованного трупа или ты его узнал?

Небосклонов только завопил в ответ и закрыл лицо руками.

- Артур, что ты делал вчера вечером? - подала голос Татьяна. - Что ты помнишь из вчерашнего вечера?

Известный певец прекратил выть, отвел руки от лица и обвел нас всех взглядом.

- Ты катер помнишь? - подал голос Пашка.

Небосклонов кивнул.

- Как на берег сошел? - спросила я.

- Помню.

- Что вы делали на берегу? - поинтересовался Андрюша.

- Пел, - сказал Небосклонов.

- А еще? - не отставала я.

- Ел бутерброды с паштетом. Очень вкусный паштет.

Комиссар Дидье закатил глаза. Другие французы слушали молча.

– Юлия Владиславовна, я есть хочу!

Граф отдал распоряжение принести незваному гостю бутербродов.

Принятие пищи пошло супермегазвезде на пользу. По крайней мере, память улучшилась. Небосклонов вспомнил, как подрался с Екатериной Собакиной (жаль, мы это не засняли, вот народ бы пораздовался) и их с трудом растащили. На вопрос о причине драки Артур ответил кратко – политическая.

– А поподробнее нельзя? – попросил комиссар Дидье с каменным лицом. Кто такая Екатерина Собакина, он знал. Она уже успела засветиться во Франции.

Выяснилось, что известная художница (телеведущая, писательница и кто она там еще), изрядно напившись, заявила о своем намерении баллотироваться в президенты России в 2012 году. Артур Небосклонов бросился спасать Россию.

– И что было дальше?

Продюсер со свитой оттащили супермегазвезду от светской львицы и увели в удаленную от места проведения фуршета часть парка.

– У забора? – спросил Дидье.

Артур задумался, потом кивнул. Дидье уточнил, с какой стороны. Оказалось, что на границе с территорией графа. Кто-то из официантов принес Артуру вина, потом он, наверное, заснул.

– Его должны были нести, по крайней мере, два человека, – задумчиво произнес Дидье, глядя на Небосклонова. – Это сколько ж человек действовали? И зачем? – Потом он перевел взгляд на меня. – Вы с ним точно никак не связаны?

– Абсолютно точно, – ответил вместо меня Андрюша. – У нас в городе никому бы не пришло в голову соединять Юлю, Таню и Павла с Небосклоновым. Они даже не снимают про него репортажи. В их холдинге эстрадой занимаются совершенно другие люди.

– Может, он просто попался под руку? – высказала предположение я.

– А вас зачем сюда притащили? – сурово посмотрел на меня Дидье.

– Чтобы, например, вывести из игры, – сказала я.

– Какой?

– Не знаю. Но мы вполне могли кому-то помешать. Одну нашу съемку вы уже видели. Кто-то мог посчитать, что мы сняли что-то лишнее или в будущем можем снять то, что снимать не следует. А после того, как мы окажемся на чужой территории, мы вполне можем быть выдворены из страны. Или просто окажемся в полиции. Или нам будет некогда снимать вообще что-либо, потому что придется отвечать на бесконечные вопросы представителей французской полиции.

– Логично. Но мы оставим вам время заниматься тем, ради чего вы сюда приехали.

«А ради чего? – подумала я. – Мы сами не знаем, пока только строим версии».

– Правда, за вами будут неотлучно следовать наши сотрудники. Вы не будете их видеть, они – профессионалы своего дела. Но они выяснят, не следит ли кто-то за вами, и, возможно, предотвратят еще одно похищение. Вы ведь его не исключаете?

– К сожалению, нет. И спасибо.

Комиссар Дидье написал для нас телефоны экстренной связи и вручил мне, после чего французские полицейские распрощались и отбыли восвояси. Граф снова с нами раскланялся, и Татьяна, Пашка, Андрей, Артур Небосклонов и я покинули его гостеприимный дом. Артур нес в руках мятый белый костюм.

Андрей решил осмотреть наши апартаменты, и мы надеялись, что Василий Степанович его не прогонит, хотя явно недолюбливает представителей органов. Но Андрюша не станет ему демонстрировать документы. Небосклонову требовалось связаться со своими, чтобы его забрали в гостиницу. Интересно, что

предприняла свита после исчезновения подопечного?

Глава 8

Дверь нам открыл дворецкий в ливрее и юбке, который дежурил у Василия Степановича при входе. Когда я увидела его в первый раз и поинтересовалась юбкой, «граф Монте-Кристо» пояснил, что это личный протест против феминизма, который он сам одобряет. Все должны знать, что мужчина в женской одежде – не обязательно гомик. Ведь все же гости прекрасно понимают, что Василий Степанович, который провел немало лет в строгой изоляции, не мог нанять голубого, значит, дело в другом. Дворецкий обычно приглашает гостей присоединиться к движению в защиту мужчин. Многие обсуждают этот вопрос на вечеринках Василия Степановича, где женщинам предписывается всегда выглядеть как женщины и не появляться в брюках.

– Василий Степанович уже беспокоятся, – сообщили нам с Татьяной и Пашкой, потом дворецкий перевел взгляд на Небосклонова и Андрюшу. – У нас не принято приходить с мужчинами, которых вы где-то подцепили.

– Да вы знаете, кто я?! – взвизгнул Артур.

– Никак нет, – ответил дворецкий.

– А ты спой, – предложил Пашка.

– Я – супермегазвезда... – завел Артур Небосклонов, но тут появился хозяин дома, которому дворецкий, видимо, украдкой позвонил. Не знаю уж, какая тут система оповещения, но она явно сработала быстро.

– Девочки! – раскрыл объятия Василий Степанович. – Что же вы так долго, красавицы? Я все глаза проглядел! Времени-то уж сколько! Если загуляли надолго, то позвонили бы, чтобы я не волновался. Я уже думал в полицию обращаться! Но хорошо, что не поставил их в известность...

– Мы сами поставили, – сказала Татьяна.

Улыбка застыла на губах Василия Степановича.

– Вы были в полиции? – медленно спросил он.

– Нет, полиция сама приехала к нам, вернее, к вашему французскому соседу, у которого мы все оказались. В бесчувственном состоянии.

– У этого потомственного проходимца?! Он вас выкрал?!

– А почему он потомственный проходимец? – тут же заинтересовались мы все, включая супермегазвезду, которая явно продумывала способ получения компенсации за моральный ущерб. Артур Небосклонов точно знал, что от нас не обломится, еще самому, возможно, придется заплатить (и давно пора, добавлю от себя), а француз для этой цели подходил прекрасно. А если еще и мы поможем...

– Он вам представлялся? – уточнил Василий Степанович, направляясь в сторону одного из обеденных залов, где мы все расселись.

Мы кивнули.

– И что, вы ничего не поняли?

– Фамилия, признаться, показалась чем-то знакомой, – сказала я. Татьяна кивнула. Остальные не реагировали.

– Неужели не слышали про династию французских королей? – поразился наш хозяин.

– Валуа! Конечно! – хлопнула я себя по лбу. – Как это сразу не пришло мне в голову?

– Он что, королевского рода? – уточнила Татьяна. – Или из примазавшихся?

– Из примазавшихся. Причем проходимец далеко не в первом поколении. Он потомок известной Жанны де Ламот Валуа. Это имя вам ничего не говорит?

– Знакомое что-то...

– А историю с ожерельем Марии-Антуанетты помните?

– Он – потомок той самой Жанны?! – воскликнула Татьяна.

– Кто это такая? – подал голос Артур Небосклонов, у которого с историей всегда были проблемы.

– Дело о бриллиантовом ожерелье – одно из самых известных преступлений в мировой истории, – сказала Татьяна. – Запутанное и очаровавшее современников.

– А сколько всего было написано по этому поводу! И в те годы, и в последующие, и даже в наши дни! – воскликнул Василий Степанович. – Я специально почитал после того, как узнал, кто мой сосед. Бедная Мария-Антуанетта! Ее полная непричастность была очевидна, но практически во всех отчетах того времени она считается преступницей, и лишь потому, что большое количество людей хотели верить в ее вину. Как мне это знакомо!

Артур Небосклонов даже не знал, кто такая Мария-Антуанетта. Про Французскую революцию он тоже не слышал. Ну что возьмешь с супермегазвезды?

– А почему это дело так заинтересовало людей? – спросил певец.

– Наверное, из-за участников событий, – высказал предположение наш хозяин. – Отрицательная героиня – королева-австриячка, которую не любили во Франции, коррумпированный высокопоставленный священнослужитель – кардинал де Роан и красивая бедняжка с королевской кровью – авантюристка Жанна.

– Кстати, а эта Жанна на самом деле имела право носить фамилию Валуа? – поинтересовался опер Андрюша.

– Да, – кивнул Василий Степанович. – По крайней мере, это установлено доподлинно. У нее в венах на самом деле текла королевская кровь. Ее отец был потомком Генриха II, но незаконным. Мать Жанны де Ламот была крестьянкой, и жили они очень бедно.

– Простите, а здесь у вас есть что почитать на эту тему? – перебила Татьяна. – Кроме Дюма, естественно.

– И желательно исследование, а не беллетристику, – добавила я.

– Английским владеете? – уточнил Василий Степанович.

Мы подтвердили, что это – единственный иностранный язык, на котором мы осилим исследование. Хозяин дома обещал нам самую полную и бесстрастную, по его мнению, работу Моссикера, в которой представлены рассказы современников, часто очень сильно отличающиеся друг от друга. Их весьма любопытно сравнивать.

Но поскольку нам еще только предстояло прочитать исследование, мы попросили Василия Степановича изложить историю вкратце – все-таки Дюма мы читали давно (те, кто читал), а некоторые (не будем показывать пальцем) вообще не знали, о чем идет речь. Да и роман – это роман, а нам хотелось, по возможности, точной информации.

Жанна Валуа вышла замуж за некоего Николя де Ламота, который присоединил к своей фамилии фамилию французских королей и сам себе присвоил титул графа, и эта семейка так себя и именовала. Им постоянно не хватало денег. Жанна обивала пороги Версаля и подавала всякие петиции в надежде получить какой-то постоянный доход как представительница династии Валуа. Каким образом Жанна познакомилась с кардиналом де Роаном, точно неизвестно, но факт, что она была его любовницей. Мало этого, она к тому времени не только была замужем, но и жила с мужем и еще одним мужчиной, мастерски подделывавшим подписи и документы.

То есть имелся человек, который мог прекрасно подделать почерк королевы, имелось желание получить много денег, имелся влюбленный кардинал, который также хотел получить благосклонность ее величества. И авантюристы взялись за дело. Кардиналу было поручено приобрести для королевы ожерелье. Во всех записках «королева» подчеркивала необходимость проявлять осторожность и не привлекать внимания.

Ожерелье у ювелиров забрали, и Николя де Ламот отправился с ним в Лондон. Но ювелиры денег не получили, естественно, забеспокоились и стали задавать вопросы. Вначале арестовали кардинала, потом, после его заявления, Жанну. Ее любовника, подделывавшего письма, доставили из Женевы, куда он сбежал. Последовал суд.

Кардинала де Роана оправдали. Парижский парламент поверил в его честность, хотя король не поверил. Правда, кардинала обязали публично извиниться перед монархами и оставить все занимаемые должности. Его также навсегда отлучили от двора. Но он остался на свободе. Любовника Жанны, подделывавшего письма, изгнали из страны с конфискацией имущества. Но Жанна с мужем получили очень суровые приговоры, хотя властям не удалось добраться до Николя, который оставался в Лондоне.

Жанну же ждали публичная порка и клеймение буквой V, что означало voleuse (воровка). Жанна извивалась и орала, и в результате раскаленное клеймо попало ей не на плечо, а на грудь. После этого ее отправили в женскую тюрьму, где ей предстояло отбывать пожизненное заключение.

Но она оттуда сбежала, вероятно, с помощью или при молчаливом согласии тюремщиков, которые ненавидели королеву. Жанна отправилась в Англию и заделалась писательницей (правда, творения выходили анонимно). В них клеймилась королева.

– И теперь ваш сосед заявляет, что является потомком Жанны де Ламот Валуа? – уточнил Андрюша.

Василий Степанович кивнул и заявил, что проверить это не представляется возможным.

– Но и подобное заявление, и подобная наследственность вполне определенно характеризуют человека, – заметила Татьяна.

– А что случилось с королевой? – спросил Артур Небосклонов.

– Ее казнили на гильотине, – сказала я. – Но это никак не связано с ожерельем. Это совсем другая история.

– А ожерелье откуда взялось? – не унимался Артур. – Я не понял!

– Точно неизвестно. Его, скорее всего, изготовили для Дюбарри, любовницы Людовика XV, предыдущего короля. Муж Марии-Антуанетты был Людовиком XVI. Ювелирам требовалось продать украшение. Ведь вложено-то в него было сколько! Они неоднократно предлагали его Марии-Антуанетте – и прямо, и через посредников. Но она отказывалась. Во-первых, ей не нравились такие вещи, во-вторых, она решила снизить траты, в которых ее упрекали, в-третьих, тогда требовались деньги на военно-морской флот. Ювелиры стали предлагать украшение при других королевских дворах – и опять безрезультатно. Они снизили цену, предлагали различные методы оплаты – но ничего не получалось. Королева никогда не хотела и не собиралась покупать это ожерелье и дала ювелирам это ясно понять.

– А кардинал с какого боку?

«Может, Артур какую-нибудь песню напишет на эту тему?» – задумалась я. Уж больно он заинтересовался.

– Он неправильно решил, что королева хочет приобрести ожерелье, но у нее на тот момент нет средств на это, а если он их авансирует, то получит благосклонность королевы, которой очень хотел добиться.

– То есть Мария-Антуанетта не была любовницей кардинала?

– Нет, хотя ее в этом и обвиняли. Его любовницей была Жанна де Ламот.

– А чем все закончилось? – Артур был крайне серьезен.

– В смысле? – не понял Василий Степанович. – Ведь мы же, кажется, это уже обсудили.

– Ожерелье где? – спросил Артур. – Куда оно делось? Про него что-нибудь известно?

– Тебе же сказали, что Николая де Ламот вывез его в Англию, – вставил Пашка.

– Кстати, а что было дальше? – подала голос я. Признаться, у меня в голове стала выстраиваться одна очень любопытная версия... – Оно случайно не у вашего соседа хранится? Может, он поэтому такой забор с датчиками установил, а несанкционированные появления русских у него на территории – это все отговорки? Или наши соотечественники туда не просто так лазают?

– Или нас туда кто-то отправил... – открыла рот Татьяна и сразу же закрыла, вспомнив, что с нами в комнате находятся опер Андрюша и Артур Небосклонов, которым совсем не нужно слушать про наши попытки догадаться, зачем нас во Францию прислал Иван Захарович.

Однако Андрюша, в отличие от супермегазвезды, человек умный и быстро соображающий.

– А что, очень даже вероятно, – сказал он.

– Андрей, что ты несешь?! – закричала я. – Нас в бессознательном состоянии перенесли на территорию графа, чтобы мы искали ожерелье, о существовании которого даже не знали? То есть теоретически знали, но никак не могли предположить, что это ожерелье окажется здесь.

– Я не поверю, что граф держит его в доме, даже если оно у него есть, – заметил Пашка. – Оно явно в банке, в специально арендованной ячейке.

Но Андрюшу, как оказалось, гораздо больше интересовало не ожерелье, а наше попадание к соседу Василия Степановича. Андрюша даже обвинил Василия Степановича в уходе от темы и привлечении нашего внимания к предкам графа де Ламота Валуа.

– Как они все с вашей территории попали к соседу?! – закричал Андрей. – Тем более если там такая хитрая швейцарская сигнализация?

– Что швейцарская сигнализация для русского человека? – буркнул Пашка.

Андрей сурово посмотрел на него.

– Я не знаю, – сказал Василий Степанович. – Я думал, что девочки нашли себе мужчин... У меня на вечеринках это обычное дело. Они же взрослые и не должны были мне сообщать, что не придут ночевать...

Василий Степанович наконец удосужился спросить, что с нами случилось. Ему рассказали в подробностях, только труп пока не упоминали. Хозяин дома только охал и ахал. У меня сложилось впечатление, что он знал, где мы.

Василий Степанович, по его словам, даже не представлял, какая сволочь могла прыснуть в нас газом и утащить к соседу. Когда это произошло, он тоже не знает. Он был «с народом», а мы – с отдельными мужиками.

– А я? – подал голос Артур Небосклонов.

– Что ты?

– Я вчера пел?

– Пел, – подтвердил Василий Степанович. – Но куда ты потом делся, я не знаю. Я за мужчинами-певцами не слежу. И вообще я по женщинам. Я сам удалился с... Не буду компрометировать женщину.

– Я вчера дрался? – спросил Артур.

Василий Степанович как-то странно посмотрел на него. Я задумалась, почему Небосклонов про это спрашивает. Он же в доме француза говорил, что это помнит

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/zhukova-gladkova_mariya/villy-yahty-kol-e-i-lyubov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)